

Марина Бойкова-Гальяни
Андрей Буровский
Людмила Лапина

ДОМ НА НЕВСКОМ

Фантастические рассказы
и литературные сказки

**Андрей Буровский
Марина Бойкова-Гальяни
Людмила Лапина
Дом на Невском.
Фантастические рассказы
и литературные сказки**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42597322

ISBN 9785449682598

Аннотация

В настоящий сборник вошли фантастические рассказы и литературные сказки трёх авторов: Марина Бойкова-Гальяни – поэтесса, прозаик; Андрей Буровский – археолог, философ, писатель; Людмила Лапина – краевед, писательница. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Марина Бойкова-Гальяни	6
Дом на Невском	7
Правда Отто Фримана	12
Последствия большого взрыва	22
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Дом на Невском
Фантастические рассказы
и литературные сказки

Марина Бойкова-Гальяни
Андрей Буровский
Людмила Лапина

© Марина Бойкова-Гальяни, 2019

© Андрей Буровский, 2019

© Людмила Лапина, 2019

ISBN 978-5-4496-8259-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марина Бойкова-Гальяни

Дом на Невском

Мистический рассказ

Думаю, каждому приходилось примерять на себя роль психотерапевта. Особенно, это касается любителей путешествовать поездами и теплоходами. Пригородные электрички тоже не исключение.

Я, как владелица загородного дома, постоянно катаюсь по маршруту Санкт-Петербург — деревня. Конечно, у деревни есть название, что не имеет значения в моём повествовании. Сразу оговорюсь, не часто развлекаюсь беседами с незнакомыми людьми. Но, бывает. Иногда повествования изобилуют увлекательными историями. Но жанр «бытовуха» лидирует, занимая абсолютно недостижимую позицию. Тем не менее, однажды, довелось услышать нечто фантастическое.

Попутчицей была женщина средних лет и такой же ухоженности. В вагоне сидело всего несколько человек, а за окном мелькали зимние пейзажи, что неминуемо усыпляло пассажиров. Дама заняла место напротив меня в районе метро «Обухово», вежливо поздоровавшись.

— Далеко едете? — последовал вопрос.

— Почти до конца, — улыбнулась я, давая понять, что не против милого общения.

— Есть люди, не верящие в очевидные факты, а есть, те, кто

готов поверить в явную фальсификацию. То, чем хочу поделиться, событие, участницей коего стала. Мне приписывают буйную фантазию, сны, похожие на явь и просто выдумку с целью удивить и привлечь внимание.

Я усмехнулась:

– Знаете, со мной не раз случалось необъяснимое, но свои тайны открываю буквально двум-трем людям, которые не станут крутить пальцем у виска. То, что не объясняется наукой, существует, и не надо доказывать.

– Это было в восьмидесятых. Издательство, где я работала, находилось на Невском проспекте. Чтобы в него попасть, нужно пройти через сквозную парадную во двор-колодец. Двухэтажный флигель, вывеска над дверью, три ступеньки вверх. Заказчики в коридорах, сотрудники в отделах.

В тот день старомодная пожилая дама, пахнувшая нафталином, долго сидела в кабинете директора, и в нашу, редакционную группу уже не раз заглядывала Аллочка-секретарша, делая круглые глаза:

– Представляете, третий час сидит! Мне бумаги подписать, а шеф настрого приказал, не беспокоить.

– Бумаги даже не подписывает?

– Ужас, ужас!

И дернул меня чёрт, не железная, выйти в коридор именно в момент, когда кабинет директора открылся, а сам, покрасневший, склонился над костлявой ручкой гостыи, расшаркиваясь, бормоча, типа, ваша светлость (если не ослышалась

при стопроцентном слухе).

— А вот и наш редактор, кстати! Татьяна Ивановна, голу-бушка! — это шеф мне.

— Да, Серафим Маркович?

— Соболаговолите, дорогуша, проводить княгиню на самый, что ни на есть Невский проспект, им желательно посетить Дом Книги. Заодно с книгами подсобите. На работу сегодня не возвращайтесь!

Конечно, я выпала в осадок, но виду не подаю, дескать, не привыкать общаться с царственными особами простому советскому редактору.

— Присядьте, дорогая! Нашему редактору собраться нужно, попудрить носик, одеться.

Нафталиновая дама, подобрав подол, опустилась в одно из кресел, стоящих в холле.

Минут через десять мы вышли из здания редакции. Всё, как обычно: справа помойка, прямо большой двор с газоном, обнесённым низкой чугунной оградой и асфальтовой дорожкой, ведущей в подъезд.

С пассивностью стороннего наблюдателя вижу, как изменилась сквозная проходная, где ничего, кроме отопительных батарей под фанерной обшивкой не было: дверь на Невский, узкий проход, дверь во двор. Теперь широкий холл и старинный лифт, возле которого инвалид в коляске. Инвалид, не отрываясь, многозначительно глядит на меня.

Пройдя через холл, выходим на улицу. А где княгиня?

Вместо Невского проспекта большой двор, а вокруг высотные дома. Я обратным ходом за их светлостью. Возле лифта, по-прежнему инвалид в коляске. На мой вопрос о пожилой княгине качает головой, мол, никого не видел. И выхожу не во двор моей работы, а туда, откуда вошла, только что. Мимо идёт молодая пара с ребёнком.

– Скажите, как выйти на Невский проспект?

– Здесь нет Невского проспекта.

– Хорошо, где я?

– Спросите у кого-нибудь другого.

– Чёрт, чёрт, поиграй и верни меня обратно, — в отчаянии кричу, рыдая. И вижу княгиню.

– Ваша светлость, где мы? Где Дом Книги?

Старая дама задумчиво качает головой:

– Говорят в одну реку не войти дважды. Особенно, если это Стикс, — оставив меня, остолбеневшую, скрывается в проходной.

Я — следом. У лифта мальчик лет семи жмет кнопку:

– Я на второй, а вы?

– И я. Не видел старую даму?

– Видел. Она уехала на второй.

Со страшным грохотом подходит лифт. Я бы не рискнула садиться в дырявое корыто, но действую, как в трансе.

Мы с мальчиком выходим опять в тот же двор.

– Портал в третье измерение! — неожиданно восклицаю первое, что пришло на ум.

В одну реку не войти дважды. Княгиня не договорила. И вдруг, разгадка: она дважды вошла в воды Стикса.

Разворачиваюсь, и ни минуты не сомневаясь, опять вхожу в дверь парадной. У лифта снова инвалид, повернувший ко мне перекошенное страшное лицо. Но мне мимо.

И даже не удивляюсь знакомому флигелю.

Правда Отто Фримана

Фантастический рассказ

Ранним вечером дверь одного из выстроенных в ряд котеджей, отворилась, плотный тридцатилетний мужчина в бежевых брюках и белой рубашке с короткими рукавами, сердито выкрикнул что-то вглубь дома, и с грохотом хлопнув дверью, прошептал тихое ругательство. Губы зло искривились. Отто Фриман, профессор истории и этнографии, постоянно ругался с женой и причиной их ругани был сын Дэвид.

Спешно отойдя на несколько десятков шагов, профессор резко замедлил шаг, и, сделав глубокий вдох, огляделся вокруг. Дул слабый ветерок, тихо играя листвой деревьев, а по бледно-голубому небу плыли мелкие облачка, подобно детским бумажным корабликам в бассейне. Мужчина вышел на аллею и присел на скамейку. До начала лекций у него было минут сорок, а идти недалеко. Мимо него прогуливались молодые, загорелые люди; некоторые с детьми. Отто Фриман удовлетворенно хмыкнул: не любил стариков и калек, они оскорбляли его чувство гордости за страну. Ровно шесть лет назад, в такой же теплый августовский день он пришел в Общество, мучимый любопытством, толкаемый чувством безысходности. У Отто могла быть нормальная семья, здоровые дети, но родился первенец с болезнью Дауна... и рухну-

ли надежды на счастье! Жена Магда отдавала больному сыну все силы, любила самоотверженно и безоглядно, а его жизнь, казалось, закончилась. Тем временем в стране появилось общество, пропагандировавшее принципы естественного отбора, которое крепло и ширилось с каждым днем. Магда возмущалась тем, что люди шли туда, а потом захлеб рассказывали о новом подходе к старым проблемам перенаселения. «Общество подонков и убийц», – говорила она, тем самым пробуждая всё сильнее интерес мужа. Сыну Дэвиду минуло четыре года, когда Отто, наконец, решился переступить порог дома, в котором шли собрания. В то время партия Рационалистов уже имела несколько кресел в Правительственной Думе. Сказать, что он сразу проникся идеями Общества? Нет, он был возмущен, и даже дал себе слово больше никогда не ходить на собрания. Шли дни, которые почти похоронили его в безысходности, Отто перестал следить за собой, пристрастился к спиртному и стал подумывать о самоубийстве. И однажды, когда в очередной раз напивался в баре, к нему подсел человек лет сорока и заговорил об обществе. На следующий день, Отто привел себя в порядок, чисто побрился, надел строгий костюм и явился на собрание. Его встретили как брата, захотелось быть с этими людьми для того только (как он говорил себе), чтобы защитить сына. Отто Фриман вступил в партию.

За шесть лет его работы партия заняла большинство мест в Думе, а в позапрошлом году стала правящей в стране, побе-

див на президентских выборах. Сам Отто не занимался чистками, да от него и не требовали грязной работы – это делали рядовые чистильщики. Отто занимался пропагандой, вел занятия по истории Спарты и общался с новичками. Теперь его не возмущала деятельность партии, напротив, он разделял принципы естественного отбора. Магда же открыто осуждала и презирала мужа, называя предателем и убийцей, а сегодня в ссоре перешла все границы, бросив в лицо:

– Завтра ты убьешь своего сына!

Он ударил её по лицу наотмашь, и проорал:

– А, может, сегодня? Идиотка. Я мог давно это сделать, если б захотел!

Отто ушёл, хлопнув дверью, а теперь сидел в парке, нетерпеливо поглядывая на часы.

Сегодня был его день: наконец Отто решился на поступок, и эта решимость переполнила грудь радостью. Сомнений больше не было. Профессор взглянул на часы и поднялся: " Пора».

Аудитория встретила Отто Фримана аплодисментами. Отто помахал рукой, призывая людей к тишине, и начал речь:

Сейчас хочу приветствовать тех, кто впервые переступил порог этого дома, тех, кто скоро вольется в ряды нашего общества, давайте поаплодируем им!

Аудитория встала и дружно захлопала в ладоши.

Сегодня наше общество принимает двух новых членов. Прошу встать, чтобы мы могли видеть будущих единомыш-

ленников.

Двое молодых мужчин поднялись и склонились под приветственный гул Общества, а он продолжил:

– Каждый день мы принимаем новых людей, партия растет и крепнет. Мы совершим революцию во всем мире!! Не будет перенаселения!! Да здравствует естественный отбор!!! – он сделал эффектную паузу.

– Я уже говорил о том, что каждый человек должен исполнить своё предназначение, то есть служение на благо общества. До 2040 года человечество на 40 процентов состояло из неизлечимо больных, слепых, глухих и с болезнью Дауна. В животном мире такие особи не выживают, там идет естественная отбраковка, так называемый отбор. Вместе с развитием цивилизации развивалась и медицина, люди научились продлевать на долгие годы неполноценное существование тех, кто должен был неминуемо погибнуть вследствие естественного отбора. И тут мы зашли в тупик, встав лицом к лицу с проблемой перенаселения, притом, что более половины людей – умственно отсталые и неизлечимо больные. Что мы получили? Большое количество людей отвлечено от полезных дел, ухаживая, продлевая их растительное существование. Ладно, ещё только это, но ведь часть умственно отсталых уродов ещё и плодиться стала – вопиющий факт! (В зале послышались одобрительные смешки и редкие хлопки) Они производят на свет отсталых потомков, причем плодятся быстрее нормальных людей. Между тем снижается

процент здоровых граждан и это происходит обратно пропорционально росту уровня цивилизации. Я хочу вспомнить о Второй Мировой войне, когда уничтожались народы, которые Гитлер находил неполноценными: евреи, цыгане, славяне. Это было с его стороны не умно. Ведь это были вполне здоровые люди по сравнению с самим Гитлером. Теперь пришли к власти – умные, здоровые и честные – я говорю о нас – цвете нации. Мы решим проблему перенаселения! И мы создадим новую Спарту!!!

Профессор сделал небольшую паузу, строго оглядел слушателей, и продолжал:

– В эпоху Рационализма мы понимаем всю суть проблемы: так дальше продолжаться не может! Призываем вас, санитаров общества, избавить человечество от ненужного балласта. Возложенная на вас миссия благородна и тяжела, но видеть впереди абсолютно здоровое общество и знать, что в этом деле есть и доля вашего труда – это ли не прекрасно? Поэтому, дети мои, – здесь профессор широко обвел зал рукой, – идите, и с честью выполняйте свой долг! Знайте, здоровое человечество гордится вами!

Он сделал жест благословения. Стулья задвигались и санитары-стажеры, обмениваясь между собой впечатлениями, потянулись к выходу.

Молодой профессор спустился в бар пропустить рюмочку-другую и поболтать с посетителями. Санитары после лекции расслаблялись; впрочем, кроме того, спиртное развязы-

вает язык – нет-нет, да и проболтается посетитель об очередном больном, которого родные укрывают – и тогда, жди гостей-санитаров.

За стойкой, на высоком табурете сидел давний приятель, полковник ВМФ Крис Ллойд, а для друзей просто Лоди, красавец и здоровяк. Лоди приветливо кивнул, широко улыбнулся и неожиданно подмигнул:

– Ну что, старина, снова о погоде поговорим?

– Да что говорить, всё, как триста лет назад: погоду на завтра абсолютно правильно узнаешь послезавтра.

Они пожали друг другу руки.

– Два виски, – Фриман положил на стойку купюру, которая в ту же секунду перешла к бармену Джейку.

– Как здоровье жены, Джейк?

Бармен сделал испуганный вид и быстро ответил:

– Поправляется.

Это была их постоянная шутка, в своем роде игра. Бармен женат не был, да и не собирался в ближайшее время, у него было в запасе целых шесть лет до тридцати пяти. Ну, а потом, хочешь, не хочешь, закон обязывает обзавестись женой и произвести на свет абсолютно здоровых детей. Только в случае бесплодия человек свободен от брачных уз.

В углу бара послышался шум: видно, кто-то сильно набрался. Отто наострил уши.

– Проклятая страна, тупой народ, вшивые ублюдки, – возмущался пьяный, – в этой уродской стране предпочтут хило-

му ученому здоровяка, у которого ума, как у кузнечика в коленках. Сильная нация моральных уродов.

Профессор хлопнул по плечу Лоди, встал и направился к перебравшему мужчине. На вид тому было лет тридцать пять, оранжевая футболка плотно обтягивала сухое, поджарое тело; гладко выбритое лицо с большеватым носом, было красным от возбуждения и количества выпитого. Отто приложил палец к губам и, показывая глазами влево-вправо, зашипел:

– Тс-с-с, приятель, здесь и у стен есть уши.

– Марк, – представился мужчина, – выпьем. – Официант, чистую рюмку, – потянулся за бутылкой.

– Отто, – назвал себя профессор, – я выпью, а вам хватит.

– Пусть я пьян, но напьюсь ещё больше, потому что жизнь превратилась в сплошной кошмар, вокруг одни доносчики и убийцы. Порядочному человеку нет места в этой сточной яме. – Язык у него заплетался, – Отто, признайтесь, кто вы – доносчик или убийца? – Марк залпом выпил рюмку водки.

Отто Фриман закурил; он улыбался, прикрывая глаза от удовольствия: собеседник нравился профессору, несмотря на то, что был сильно пьян и накачивался водкой всё больше и больше. В этом человеке было что-то, чего так не хватало Фриману, чего так не хватало современному обществу, поглощенному идеей рационального существования, основанной на превращении человека в неодушевленный предмет: старые и поломанные вещи сдают в утиль – вот основа

идеи.

– Я – доносчик, – профессор с любопытством прищурил свои глаза неопределенного грязно-болотного цвета.

– Доносчик? Я не могу вас осуждать: кто молчит, видя все это – сам соучастник. Я не лучше вас, – Марк внезапно протрезвел, но одну за другой отправил в рот содержимое ещё двух рюмок, и замолчал. Его глаза налились кровью, ухватившись за стол, он попытался подняться, и не смог.

– Отто, помощь не требуется? – подвалил один из санитаров, держа в руке бутылку пива. Посетителей бара становилось всё больше, а воздуха всё меньше; гул толпы заглушал звуки музыки.

Фриман сделал отрицательный жест. Подозвав официанта, велел вызвать такси, после чего помог новому знакомому сесть в машину, а сам вернулся в бар к недопитой рюмке.

Становилось жарко: кондиционеры не справлялись. Отто достал из кармана брюк маленький блокнотик с ручкой и неторопливо записал подслушанный адрес, отыскав страничку с буквой «М», так, на всякий случай, чтобы не забыть, ведь он собирался ещё выпить.

Атмосфера внутри бара сгущалась от табачного дыма. Профессор расплатился, и вышел на ночную улицу. Огни огромного города растворили темноту, и только темно-синее, почти черное небо с блеклыми, еле видными из-за городского смога, звездами, напоминало о том, что уже ночь.

Такси брать не стал, а неспешно двинулся по малолюдной

улице, с наслаждением вдыхая прохладный воздух. Слабый туман дрожал над дорогой, делая её похожей на дорогу в ад. Призрачные всадники в фантастических шлемах и кожаных костюмах изредка проносились мимо на бесшумных мотоциклах последнего поколения. Все было нереальным.

Отто посмотрел на часы: два часа двадцать минут. Света в окнах нет, значит, Магда спит. Он тихонько отворил дверь, переобулся и, поднявшись по лестнице, заглянул в спальню жены. Та спала крепким сном: умаялась за день.

– Сейчас или никогда, – профессор Отто Фриман спустился в гостиную, открыл дверцу шкафа, за которой оказалась лесенка, ведущая в подвал. Из подвала лился мягкий свет, ведь десятилетний Дэвид боялся темноты, как и многие дети его возраста. Приоткрыв рот, сын похрапывал, и тягучая слюна застыла в уголке губы. Рядом с ним, на ковре лежала игрушечная лошадка; мебели не было, а стены помещения обиты искусственным мехом, чтобы ребенок не ушибся.

– Снится ли ему что-нибудь? – внезапно подумал отец. Надо было спешить, время приближало рассвет. Фриман достал из потайного шкафчика заветную коробку, вынул из нее ампулу с опиумом и шприц, наполнив который, подошел к мальчику.

Сын вдруг открыл глаза, бессмысленно и тупо посмотрел на отца и невнятно замычал:

– Дя-я-дя.

Отто взял слабую руку Дэвида.

– Сейчас или никогда, – большая доза опия наполнила вену больного ребенка. Дэвид всхлипнул, дернулся и затих. Все было кончено.

Профессор поднялся в спальню жены. Та спала, свернувшись в клубочек, и выглядела беспомощной и беззащитной.

– После драки кулаками не машут, – цинично подумал Отто, и усмехнулся: поплачет, поплачет и успокоится. Теперь спать. Пройдя в свою комнату, включил свет и, зевая, стал раздеваться. Из брюк что-то выпало:

– А-а, записная книжка.

Фриман поднял её, открыл на страничке с адресами на букву «М», снял телефонную трубку и набрал номер:

– Хелло, Дикси! Диктую адресок для проверочки. Нагрянь пораньше. Пиши...

Рассвет, оранжевый и звонкий, вставал над сияющим городом. Отто Фриман, профессор истории и этнографии, закинув руку за голову, дышал спокойно и размеренно: лицо его было безмятежным. Он спал, как человек, выполнивший долг. На стене часы твердили считалку: тик-так, так-так. Всё было правильно.

Последствия большого взрыва

Фантастический рассказ

Детёныши пингвинов были повсюду. Один, самый маленький, мучительно трепыхался. Именно на него наступил Иван. Жора скорчил мину скорбящего, но тут же разинул пасть, обросшую по линии тонких губ, жесткой щетиной и, взяв детеныша за хвостик, целиком отправил в огромную черную дыру рта.

К моим ногам неуклюже ступая, подошел карликовый пингвин-подросток и, задрав кверху клюв, уставился прямо в лицо. Я подняла его на руки, ощутив живое тепло. Ладонью провела по спинке животного, еще и еще. Птенец зажмурился. Оттолкнувшись от грязной снежной поверхности, на многие метры покрывшей некогда зеленую планету, я медленно поплыла вверх, и остановилась лишь на высоте трех метров. Грязные горы снега были всюду, а между ними чернели тоннели, по которым двигались одинокие прохожие, те, что пережили катастрофу. Регулировщики, сидевшие в бочках, воткнутых в сугробы, крутили головами в ярко-красных беретах, бог знает, откуда взятых в такой неразберихе. Казалось, будто красные плоды растут прямо из серой массы. «Почему регулировщики вкопаны по шею?» — удивилась я, но потом вспомнила, что всю ночь шел чёрный снег.

Долетев до следующей площадки, увидела Монику, держащую в руках тарелку с нарезанной ветчиной.

– Что она делает здесь, в столь поздний час?

Зависнув над ее головой, удивлённо заметила сову, сидящую на большом параллелепипеде грязно-жёлтого льда.

– Мама, эта птица умеет петь!

Девушка включила неизвестно где откопанный Мп3 проигрыватель, болтающийся на ремне у пояса, и нажала кнопку. Послышались удары тарелок, затем мелодия. Сова наклонила голову вбок, прислушиваясь, несколько раз щелкнула, и неожиданно тонко и протяжно заухла в такт.

Дочка взяла с тарелки кусок ветчины. Птица, смолкнув, замерла в ожидании лакомства.

– Ну, что ж ты не дала ей петь? – укорила я.

– Легко тебе, мама, всё витаешь и витаешь, а я должна экономить энергию батареек. Это последние, потом останусь бродить в черном безмолвии. Может, в ста километрах от города идёт обычная жизнь?

– Не знаю. Мы оторваны от всего мира ядерной катастрофой. Жива я или нет? почему летаю, но по-другому не могу: в тоннеле задыхаюсь.

– А я? Как же я? Меня ты обрекла на вечную жизнь в тоннеле. Без света, в серой грязной мгле.

– Главное выжить первые дни: пепел осядет, и солнце растопит мглу. Где твой друг?

– Ищет меня и будет искать вечно.

– Грустно, когда жизнь состоит из игры в прятки.

– Грустно, – дочь покивала головой.

Я тихо поплыла прочь.

– Увидишь, скажи, пусть скорее ищет, а то не ровен час, найдет другой.

– Скажу, если увижу, – последние два слова я произнесла тихо. Настолько тихо, что она уже не могла их слышать.

Чувство вины переполнило: почему она не умеет парить? Катастрофа непонятным образом пробудила во мне способность к левитации. Возможно, высший разум велит спасти дочь и ещё кого-то.

Я упорно отгоняла мысль о том, что обрекла собственную дочь, свою плоть и кровь на долгую гибель в лабиринте.

Вдалеке шёл человек в черном плаще до пят, будто из девятнадцатого века, и котелке. Лицо опущено, смотрит себе в ноги. Я устремилась навстречу:

– Учитель!

Мужчина поднял голову.

– Ах, извините! Я не за того приняла вас.

– Ничего, бывает, – лицо незнакомца белое, как мел выделялось на сером фоне окружающего мира. – Как вы делаете это?

– Простите, что?

– Парите.

– Не знаю. Мое тело подчиняется желанию души.

– А выше можете подняться?

– Я бываю над облаками, но сверху слишком много проводов и я не всегда вижу их сквозь массу снега и пепла. Однажды я запуталась в них. Страшно.

– Правда, что там, в вышине светит солнце и небо чистое, голубое? – Он мечтательно зажмурился.

– Да, но воздух разрежен и очень холодно.

– Как же вы дышите?

– Недостатка воздуха я не ощущаю, но холод, холод пронизывает душу.

– Я бы умер, только бы на миг увидеть солнце, – он ссутулился и печально побрел дальше.

Ваня орудовал короткой лопаткой, счищая чёрный снег с остова автомобиля. Он помахал рукой. Я спустилась ниже и зависла в нескольких сантиметрах от ярко-желтой крыши.

– Готовлю на ночь логово. Похоже, я сильно удалился от Моники.

– Помогу найти. Здесь нет регулировщиков, как ты рискнул так далеко забраться?

– Нужен аккумулятор. Боюсь, не успею до ночи.

Я прикинула расстояние в уме. Мой полет проходил по прямой. А парень мог двигаться только по лабиринтам.

Тонкий визг резанул уши.

– Похоже, скулит собака. Отыщу и приведу. Вместе согреться и проспите до утра, потом доставлю к дочери. С каждым часом всё опаснее: зверьё из лесу ринулось в города, привлеченное мертвечиной.

– Моника одна?

– Пока, да. Ночь будет со мной.

Визг усиливался. Я поплыла на звук.

По траншее металась собака, грязный обрывок веревки на шее. Видимо некто привязал животное, надеясь сделать его пищей. Я опустилась на ноги в нескольких метрах и тихо заговорила, готовая в случае угрозы воспарить.

Собака, повизгивая, наклонила голову и, улыбнувшись, помахала хвостом.

– Пойдем, пойдем со мной.

Ваня обрадовался компании. Псина облизала парня, и они подружились. Вытащив из кармана несколько крекеров, я протянула другу дочери.

– Поделись с новым товарищем.

Пингвин постучал в мою грудь. Я расстегнула пуговицы на куртке, и птенец выглянул наружу.

– Ого! – изумленно протянул юноша, – дичь. Пусть Моника сварит завтра бульон.

– Думать не смей! Это моя птица, мой питомец. Никто не отнимет.

– Как знаете. Только я не видел горячей еды с самой катастрофы, со времен Большого взрыва.

– И что? Ты умер? Болван.

– Я и не жил. С Большого взрыва.

– Все кто остались, обречены. Только надежда на чудо питает людей.

Помахав рукой, я взлетела с одним желанием, успеть до наступления ночи.

Страшная тьма окутывала землю — ни звезд, ни Луны. Кому повезло откопать то, что может гореть, зажигали крохотные кострочки, возле которых, заблудившиеся получали шанс на выживание.

Вокруг полная анархия: кто завладел оружием, тот выживет. Нужен сильный лидер и ядро, способное навести порядок.

Волки и медведи рыскали по лабиринтам, и я лишь надеялась, что Ваня успеет до ночи залечь в берлогу.

— День Сварога, говоришь? — Я усмехнулась в небо и воспарила выше, злясь на дрожащую душу. — Эпоха Волка. Вспомни!

Хочешь, небо в клеточку? Лайк.

Дети читают взрослые книги, а взрослые — «Незнайку на Луне», «Три толстяка», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Урфин Джюс и три толстяка, а мы деревянные солдаты. Деревянные по уши.

Мы всё проспали. Проснулись, когда мир содрогнулся. Говорят, это космические пришельцы устроили. Концов не найти. Где-то идут звёздные войны, а нас чуток зацепило. Жахнуло не слабо.

Дочка махала рукой. Я приземлилась.

— Видела Ваню?

– Да. Далеко забрался. Если до утра доживёт, укажу путь по лабиринтам.

– Я тебе ветчины оставила.

– Хорошо. В пределах города мало пищи. Завтра-послезавтра отправлюсь на разведку. Ваня с тобой останется. Эх, была бы связь! Как думаешь, есть ли на планете место, где продолжается нормальная жизнь?

Дочка печально опустила глаза:

– Зачем? Ждать помощи?

– А что? Если есть не затронутые области, помощь будет.

– А если нет? Если вообще живых больше нигде нет?

– Ничего, как-нибудь. Снег стает, магазины мирного времени полны еды и чистой воды. Для оставшихся надолго хватит.

– А сколько их?

– Немного.

– Сколько же трупов оттаёт? Страшно.

– Не бойся трупов, кроме того, существуют волки, медведи и бродячие собаки.

– Только медведей нам не хватало. Скажи, сейчас ведь лето?

Я вытащила пингвина из-за пазухи, поставила на снег. Тот отряхнулся и прижался к моей ноге:

– Странно, почему в городе появились пингвины?

– Меня уже ничто не удивляет, — дочка, опустившись на корточки, погладила животное, — а наших кошек, похо-

же, съели. Бедные.

Третью ночь спали в верхнем этаже дома, где через выбитые взрывной волной окна, гулял ветер. Один проём удалось закрыть листом найденного железа. Часть паркета была цела и завалена отдельными кусками пола.

— Когда снег прекратится? — устало спросила дочка.

— Скоро.

— Угу. А завалит последний этаж, где спать будем?

— Хорошо, дорожки чистить успевают. В брошенных машинах ещё можно многое найти, особенно вдали от города. Не каждый отважится уйти из города.

— Уходить опасно.

— Придётся. Без еды не выжить.

— И без тепла. А там хищники бродят.

— Дикие собаки тоже не менее опасны. — Я складывала кучкой паркетины, — готово. Дай спички!

Дочка протянула зажигалку. Живой огонёк заплясал, осветив разрушенную комнату.

— Мам, как в блокаду выживали?

— Толя рассказывал.

— Он давно умер, повезло. Не видел того, что видим мы.

— Зато пережил другую блокаду. Девятьсот дней!

— Недели не прошло, а народ вымирает.

— Чёрный снег, чёрный день. Хотя бы сыпать перестало.

Дочка устроилась ночевать, положив на пол оторванную дверь. Я завалилась, как есть.

Робкий свет будоражил веки. Проснулась и поняла: настоящий белый снег валил хлопьями. Рядом ахнула дочка:

— Мама, снег!

— Белый, белый.

— Скоро все кончится.

— Перестало бы сыпать. Тогда нескольких дней хватит по-добраться к магазинам.

— Думаешь, нам еда достанется? — Дочка покачала головой, — А мародёры?

— На мародёров создадут отряды милиции.

— Не больно-то людей защищают. До взрыва недовольных в тюрьмы отправляли.

— Не путай мирное время с послеядерным.

— Анархия — мать порядка! — лицо дочки было серьёзным и решительным. — Где же Ванька, мой кавалер? Ну, что идём дорожки чистить? Заодно согреемся.

С десятков человек всюду орудовали лопатами. Ими руководил красавец лет сорока, с лицом заросшим щетиной. Я невольно залюбовалась.

— Что рот раззявила? — Грубо сказал неопрятный старик, — бери лопату, старая!

— Заткнись, дядя Лёша, вовсе не старая, а женщина в расцвете лет, — усмехнулся красавец.

— Тебе, Егор, лишь зубоскалить. Тоже, дамский угодник выискался! Рядом, дочка, что ли? Держи её подальше от угодников.

— У меня есть парень! — Заявила Моника.

Егор усмехнулся:

— Пусть бережёт своё сокровище, а то не ровен час.

— Заткнись! — Оборвал его дед, — Давай работай, нечего лодыря гонять. Господи, наконец, снег побелел, большая радость для всех, оставшихся в живых. Ещё немного и прояснится. Тогда начнётся самый аврал. К магазинам и складам бы подобраться, еды надолго хватит. Слышала, давеча медведя завалили? Толпа набежала, не успели оглянуться, остались «рожки да ножки» от косолапого.

— Сырым съели?

— У кого топор, у кого нож: разделали, ахнуть не успел. Моя бабка сторожит мясо в квартире. Прикинь, мебель на дрова разломали. Вот-вот паркет разбирать станем. А вот и Маня.

Женщина лет сорока в куртке и тёплых штанах деловито вручила нам лопаты:

— Работаем до изнеможения, потом перерыв.

Мы вгрызались в снег, не щадя сил. Под небольшим белым слоем, снег походил на замороженную сажу. В одном месте появились окна первого этажа. Задыхаясь, я воткнула лопату в сугроб:

— Всё, хватит!

— Быстро выдохлась, молодуха! — Егор хохотнул, — какие мы немощные.

— У меня дела! За парнем слетать, а то потеряется.

— У тебя пропеллер в заднице? — Дед Лёша хмыкнул, — слетай, а мы поглядим, как это делаешь.

— Дед, за дочурой присмотри!

— Ладно, пусть работает, а устанет, пойдем ко мне мясо кушать.

— Куда к тебе?

Дед показал на наш дом:

— Вишь, тропка проложена наверх? Вон то окно!

— А наше окно рядом. Мы соседи.

— Славно, — сказал старик. — Знаешь, и ты с парнем приходи, старуха бульон сварит из медвежатины.

— Очень хорошо, а то Ваня хотел моего питомца на суп.

— Кошку?

— Пингвина.

— Это, верно, не хуже курицы.

— Я не для того его спасала от людей-хищников!

— Ладно, не кипятись. Как зовут?

— Маргарита. Дочку, Моника.

— Я, Лёша, а мою жену звать Соня.

— Мама, поспеши, стемнеет.

Я воспарила. Внизу запрокинутые лица, и у каждого в руке лопата.

— И где пропеллер? — Пробормотала, кидая ещё один взгляд на людей, но задержала на Егоре. — М-да, мужчина определённо чем-то нравится.

Много ли времени прошло после взрыва? Казалось, те-

перь жизнь превратится в примитивное выживание, примитивное размножение. Но нет, всего только снег стал белее, а я уже обратила внимание на красивого мужчину. Кто это замурлыкал моим голосом? Я — пою!

Ветер свистел в ушах, обветривая лицо. Я не парила, а мчалась, подобно вихрю:

— Ветер, ветер, мы с тобой едины! — Откуда это? — Ах, да, Дракула!

Телевизоры, компьютеры, видео. Зато теперь паркетом топим квартиру. Без печки, костёр прямо на полу. А где цивилизация? Большой взрыв накрыл цивилизацию. Скоро люди забудут о компьютерах и прочих благах.

Полёт освобождает голову для невесёлых мыслей. Ах, я лечу, но завидовать нечему. Левитация, о ней много писали до взрыва, но теперь я левитирую, а мне не верят.

— Э-э-эй! — Ваня отчаянно размахивал руками, пытаюсь привлечь внимание.

— Чуть не пролетела, — смущённо сказала я, — задумалась.

— Ладно. Как Моника?

— Ждёт. На, вот, подкрепись! — Ваня жадно схватил кусок ветчины и крекер. — Где псинка?

— Бегаёт. Может быть, охотится.

— Посвисти, или уж пойдём?

— Фенька, Фенька!

— Что за кличка для собаки?

– Во-первых: это самка, во-вторых: из тех кличек, что перебрал, отзывается на Феньку. Ещё вопросы? Фенька, Фенька! Немного подождём и в путь.

– Угу. Есть, что заставит мчаться вприпрыжку.

– Заинтриговали.

– Нас пригласили на бульон из медвежатины.

– Так-так, — Ваня подозрительно метнул суровый взгляд исподлобья, — молодой и красивый?

– Старый и сивый, как мерин, к тому женат.

– Кх, — облегченный выдох, — бульон? Этот факт заставит бежать всю дорогу. Фенька, чёрт возьми, жду ещё пять минут и адё!

– Похоже, собачка стала добычей.

Только сказала, как невесть откуда нарисовалась знакомая дворняжка, неся в зубах сороку. Птицу, как водится, к ногам хозяина, улыбочка во всю пасть.

– Молодец, Фенечка! — ласковое потрёпывание по холке, и собачий восторг.

– И мы не с пустыми руками в гости! Все в сборе!

Я, вместо ответа, взлетела. Метрах в пятистах — волчья стая.

– Волки!

Ваня метнулся, собака следом. Стая приближалась с огромной скоростью. Я поднялась выше, ища спасения: на сотни метров, никого. Метрах в семидесяти параллельная траншея, но туда не добраться, ни волкам, ни людям —

слишком высок чёрный снег по краям. Сбавила высоту.

— Что? — Спросил молодой человек, — кранты?

— Типа того. Есть идея: тебя давно на руках носили?

— Никогда.

— Есть возможность. Будешь потом вспоминать.

— Несерьёзно.

— Другие варианты?

Ваня отчаянно покрутил головой:

— Знаете, сколько я вешу? До взрыва семьдесят семь, теперь где-то семьдесят.

— О, суший пустяк! Тем более волки уже в четверти километра.

Я приземлилась рядом с парнем.

— А Фенька?

— Ещё двадцать кило. Успею — вернусь, нет — пусть инстинкт спасает. Обними меня за шею.

Я подхватила Ваню подмышки и с трудом оторвалась от земли. В обычной ситуации эта затея вряд ли бы удалась. Опасность придавала сил. Высоко взмыть не получилось: но двух метров оказалось достаточно. Через несколько минут я поставила парня на дно другой траншеи и вернулась. Фенька металась по дорожке, отчаянно визжа. Волки совсем близко. Сходу спикировав, сграбастала собаку, и поднялась значительно выше, чем в предыдущий полёт.

— Двадцать не семьдесят! — Торжествующе закричала волкам, — нате, выкусите!

Вожак подпрыгнул, но где там. Уселся, глядя вверх, язык висит розовой тряпкой.

Фенька, радостно облизала хозяина, благодарно глядя на меня.

– Незнакомый лабиринт, — сказал Ваня.

– Город близко, найдём.

– Вообще-то мы в городе, только на окраине.

– Теперь это загород: ни людей, ни регулировщиков. Мёртвая зона. Идём, время не ждёт. Город в той стороне.

– Центр?

– Именно.

– Летите?

– Нет, пройдусь ногами. А то крылья вырастут, ноги от-
валятся.

Ваня засмеялся.

– Интересно, где мы находимся?

– Бывший район Старой Деревни.

– Навигатор?

– Угу. Здесь — я постучала себе по лбу, — третий глаз.

Ваня хмыкнул, и промолчал.

– Ровчик по Дибуновской. Вдали крыши пятиэтажек: нижние этажи под снегом. А от двенадцати этажей осталось поболе.

– Значит, идём по Дибуновской?

– Да. Я жила на этой улице в прошлой жизни.

– Если дорожка прямо в центр, будем через три часа.

— Надеюсь. Заметил?

— Что?

— Снег белый.

— Трудно не заметить. Ещё бы перестал.

— Да. Ваня, как считаешь, если снег перестанет, всё стает и продолжится лето?

— Слишком хорошо, чтобы стать правдой.

— Значит, зима надолго.

— Ядерная зима, — Ваня тяжело вздохнул, — многие не выживут.

— Ладно, ты печаль не разводи. Зачем далеко уходил? — Я кивнула на тряпичную сумку, которую парень не выпускал из рук.

Ваня вынул топорик, складной нож, фонарик, упаковку из трёх пальчиковых батареек, два коробка спичек.

— О, неплохой улов!

— И ещё, — он расстегнул молнию на куртке и из потайного кармана достал пачку леденцов, — гостинец для любимой.

— Славно. А чего-нибудь существенного?

— Что в машинах? Орешки, сухарики — сам съел. Хотел приберечь, но по штучке, по штучке... Топор бы нормальный, а не этот.

— Топор? Паркет разбирать топор не нужен. А квартир, где никого, много. И почти везде паркет, мебелишка какая-то.

— И мы не одни такие умные. Топорик всё-таки оружие.

В одной тачке ружьё охотничье, но патронов нема.

— Тогда и говорить не о чем. Ну вот, с разговором подошли к Черной речке, — Указала пальцем вверх на табличку, с тонким скрипом качающуюся на ветру.

Тропа вела вправо. Там должен быть мост через Неву, Каменоостровский проспект, ещё мост, выход на Невский проспект. И всё под слоем чёрного снега.

Грозный рык нарушил печальные мысли. Впереди медведь терзал жертву, вовсе не собираясь делиться. Клочки одежды летели в разные стороны.

— Надеюсь, человек был мёртв.

— Конечно. Я не слышал криков. Что будем делать? Опять на ручки?

— Нет, переждём.

— Пока конкуренты набегут?

— Думаешь, ты лёгенький?

— Ничего не думаю. И?

— Идём, только без резких движений. Крадучись.

Мы приближались к медведю на цыпочках. Когда оставалось метров тридцать, Феня захлебнулась лаем, бросаясь на зверя. Медведь поднял окровавленную морду, и так взревел, что моё сердце, вибрируя, скатилось в область коленок. Собачка стала кружить, непременно кусая хищника в зад. Тот вертелся, будто юла. Сейчас косолапому было явно не до нас.

Ваня схватил меня за руку и устремился вперёд, мимо

кровоавой битвы.

Отбежав метров триста, мы остановились, переводя дух. Фенька, сильно хромая, догнала, и присела, поджав переднюю лапу.

— Можно сказать, отделались лёгким испугом. Хорошо, что не обделались, — Ваня засмеялся, довольный каламбуром.

— Да и обделаться не страшно. Хуже достаться зверю на обед.

— Можно бы не рисковать, — Ваня многозначительно покачал головой.

— Мы и не рисковали, — парировала я, — если б не Фенька, взяла б на ручки и перенесла.

— Ну и хорошо. Феня, дай лапку посмотрю. Ничего страшного, кости целы, шкура чуть попорчена. Заживёт. С такой тётшей мы непобедимы!

— Чего не скажу о моей девочке. Она одна.

— Поторопимся!

Я протянула парню носовой платок:

— Остатки былой роскоши. перевяжи собаке рану. Если даст, немного крови выдави сначала.

Феня, будто поняв, стала неистово зализывать больное место. Потом сама протянула хозяину лапку. Тот обмотал платком, и она побежала впереди, слегка прихрамывая.

— Ваня, знаешь, где мы идём?

– Через Неву?

– Да. По мосту.

Собака коротко и отчаянно залаяла.

– Феня, цыц!

– Ваня, что там она копает? — Я остановилась, а затем рванула к собаке. Ваня хмыкнул и вразвалку подошёл.

Из-под снега показалась кость. Парень опустил на колени и стал руками разгребать снег. Не дойдя до чёрного слоя, он присел на пятки:

– Скелет! Человеческий.

– Вижу. Медведь или волки. Живые люди, похоже, все в центр подались. Заметь, безлюдье.

– За нами следят! Не оборачивайтесь, просто идём быстрее.

Я осторожно оглянулась: метрах в ста шли два человека: чёрные лица, лохмотья вместо одежды, у одного в руке топор, у второго булыжник. Двигались молча.

– Зловещие мертвецы! — прошептала, что на ум пришло.

– Каннибалы, — версия Ивана звучала не лучше, — догоняют.

– Может, познакомиться хотят. Попутчики.

– Предлагаете подождать? Бежим! Если пустятся вдогонку, то ничего хорошего, если оставят в покое, то попутчики.

Мы бросились наутёк. Преследователи помчались следом, издавая звуки, похожие на рычание.

– Мутанты! — Осенило меня, — мутанты—каннибалы.

Лучше бы волки съели.

— Взлетим?

— Куда? Где дорога?

Бесстрашная Фенечка остановилась, пропуская нас, и встала на тропе, широко расставив лапы и грозно рыча.

— Собака их задержит!

Я всё-таки остановилась: незнакомцы, оба здоровенные, как гориллы, притормозили, видимо соображая. Наконец, стали подходить, цокая, и один, вытягивая руку, сделал жест щепотью, будто сыпал соль. Феня переступала с лапы на лапу, внимательно следя.

— Теряем время! — Внушительно сказал Ваня.

Я схватила парня подмышки. На этот раз полёт не удался.

Громила резко поднял камень. Феня бросилась на него, целя в горло. Камень с треском опустился на голову собаке, раздробив череп. Торжествующий крик, оба набросились на собаку: один рвал руками, второй размахивал топором.

Мы побежали. Слезы застилали глаза, я размазывала на бегу их по щекам. Ваня всхлипывал, не стыдясь.

Сколько бежали не знаю. Вконец, выбившись из сил, я запросила пощады.

— Ну, да, возраст все-таки, — не смущаясь, сказал Ваня, — одышка и всё такое. Но припустила, как молодая, — и вдруг, всхлипнул, — Фенька, только привык.

— Мы не забудем.

— Бедная Фенечка!

– Ваня, у тебя ведь есть топор.

– Да, в сумке. А с чего вы взяли, что я сдался бы без боя?

– Так просто, напомнила. Мне бы тоже оружие. Хоть кирпичик.

– Почему кирпичик, а не кирпич?

– Кирпичище! Лихо мчались! Посмотри туда. Видишь, сверкает впереди?

Сквозь падающий снег блестел шпиль Адмиралтейства.

– Километра два?

– Да. Прямо Дворцовый мост. А за ним центр, люди.

– Любимая и мясной бульон.

– Точно.

– Почему всё-таки не полетели? Фенька была бы жива.

– Честно? Не понимаю, как могла тебя поднять. Второй раз не получилось.

– Да.

– Моё тело становится лёгким, а мозг вырабатывает особую энергию. Активировался древний ген. В одной из прошлых жизней я летала.

– А в экстренной ситуации? Обычный человек сдвинул каменную плиту, придавившую ребёнка, а потом сам не знал, каким образом.

– Так чувствую.

– Ладно, проехали.

Несколько человек вышли на тропу откуда-то справа. Ваня притормозил, и поставил передо мной шлагбаум в виде

руки. Мы стояли и подозрительно смотрели на людей: мужчина, женщина и подросток.

– Идём, там ребёнок.

– И, что? Подросток не может быть опасным?

Я пожала плечами. Когда люди ушли вперёд, мы продолжили путь. Возле самого моста увидели первого регулирующего. Рядом трудились два человека с лопатами, расчищая дорогу и обкапывая бочку, в которой человек в красном берете с палочкой в руке, указывал дорогу заплутавшим. Теперь можно было выдохнуть, дальше «родные пенаты» и относительно безопасный район, где собирались с окраин выжившие.

На Дворцовой площади жгли костры: гигантские языки пламени, казалось, лизали плотную пелену снега.

– Кажется, успеем дотемна.

– Хорошо, август, ночь начинается не очень рано. Хотя от дня не сильно отличается.

– Когда падал чёрный снег, не было разницы.

– Пахнет мясом, — Ваня глубоко вдохнул, — подойду ближе.

Я осталась стоять.

Минут через пятнадцать он вернулся с пластиковым контейнером в руке:

– Прямо коммунизм! Дают бульон из кабана. Идите скорее, пока народ не набежал. Всего три человека у раздачи. Сзади костра.

Меня просить не надо. Мгновенно оказалась у костра. Два весёлых мужика колготились возле чана, где дымилась похлёбка.

— Подходи, тётка! — Бородач лет пятидесяти, выловил поварёшкой кусок мяса и плюхнул его в алюминиевую миску, потом залил крепким бульоном, — если пересолил, пардонте, — залился смехом.

— Обожаю пересол. А ложку?

— О, блин, еще и ложку? Однако.

Его товарищ подозвал меня жестом:

— Не обращай внимания, бабуля, дружок шутит. Бульон вовсе без соли. Соль нынче непозволительная роскошь. Держи ложку: личная собственность. Вытрешь снегом и вернёшь. Только тебе.

— Спасибо. Молодцы, кормите народ.

— По жизни мы охотники. Теперь даже в лес ходить не надо. Видишь, кабанья нога? Отличная приманка. Ночью звери выходят из логовищ, а тут кусок мяса. И всё, дальше дело техники.

— Видели мутантов-каннибалов? На Петроградской стороне за нами гналась парочка.

— Здесь тоже бродят. Поэтому с наступлением ночи надо прятаться в дома. Монстры боятся замкнутого пространства, как и хищники. В дома не сунутся. С Петроградской стороны почти все жители ушли, как и с окраин.

— Много живых людей?

– Тыщи две пришлых, и местных, центровых, около ты-
сячи.

– Из пяти миллионов?

– Единицы ещё прибывают. Крохи.

– А сколько каннибалов?

– Кто знает? Прячутся неизвестно где. Ешь, тётка, осты-
нет.

Бульон был чудо, как хорош. Сразу жизнь показалась
не такой мрачной, нападение мутантов отдалилось и приоб-
рело киношный оттенок. Вытерев миску и ложку снегом, от-
дала мужчине со словами признательности. Прекрасно, что
есть, кто заботится не только о себе.

Ваня крутился на месте, нервничая:

– Ну, что же вы! Ушла и пропала.

– Плошку бы вернул, и меня увидел.

– Кинул в снег.

– Дурак, ты, Ваня. Думаешь, один на свете? Люди кор-
межку организовали для всех, а ты посудой разбрасываешь-
ся. Куда бросил?

– Я в снег не полезу.

– Куда бросил, спрашиваю?

Бормоча проклятия, молодой человек полез в сугроб. По-
трясая рукой с контейнером, подошёл:

– Чёрт, поцарапался о какую-то железяку.

Тыльная сторона ладони была сильно ободрана и крово-
точила.

Он отнес посуду и вернулся:

– Может, всё-таки поторопимся? Моника уже похоронила нас.

– Не выдумывай, парень! Я немного отдохну после горячей пищи, и двинемся. Хорошо? Подойдём ближе к огню.

– Ну вот.

– Не ворчи.

– Смеётесь?

– Радуюсь. Увидела в мужичках надежду.

– Эка невидаль!

– Вот-вот. Почему и нам не делать полезное для выживания.

– Я не охотник.

– Найди охотников, подбрось идею.

– Думаете, у меня интернет?

– Люди стекаются в центр. Поговори. Главное, организовать, а дальше само.

– Моника поддержит?

– Конечно. У меня хорошая дочь. Охотники рассказали, что звери выходят ночью. Они делают мясную приманку, сегодня это нога кабана.

– Отравленная?

– Ты в своём уме?

– Ладно, понял.

– Стреляют.

– А патроны кончатся?

– Силки, капканы. Охотники всё знают. Главное, найти и организовать.

– Так просто. Сам не додумался. Моника разлюбит идиота и эгоиста.

– Скажем, это ты придумал насчёт охоты.

– Увольте! Не хочу врать.

– Чуток приукрасить.

– Нет. Отдохнули?

– Да, сынок, вперёд! Пока, кормильцы!

– Хорошей дороги!

От Дворцовой расходилось несколько троп. Мы пошли по Невскому проспекту. Только это был тоннель в грязном снегу. Изредка попадались малочисленные группы с лопатами в руках. Подобно марионеткам они размахивали лопатами: раз, копнул, два, бросил на гору. Тоннель был не очень глубоким, но утоптаным. В снег не провалишься. Серый день становился чёрным: приближалась ночь.

– Темнеет! — Ваня кивнул.

Прибавили шаг. Ещё час, и будем на месте. Путь преградила стая голодных собак: небольшая, из четырёх особей. Мелкая рыжая шавка верховодила кобелями. Агрессивно захлёбываясь рыком, перемешанным с лаем, она кусала ухажёров за ляжки, вынуждая напасть на нас. Ваня достал из сумки топор и, помахивая им, сделал несколько шагов навстречу стае.

– Бей, рыжую! — Крикнула я, — вот, зараза!

Неожиданно вперёд вырвался чёрный кобель средних размеров. На полусогнутых лапах, прижимаясь к пепельной тропе, что делало его почти не видным, пёс метнулся к Ване и вцепился в ногу.

— А-а! — Юноша опустил на голову зверя обух.

Неистово визжа, животное откатилось к сугробу. Рыжая сука уже висела на локте парня. Два огромных кобеля нерешительно мялись. Ваня уронил топор, схватил собаку за шкуру, пытаясь оторвать, но хватка была крепкой: молодой человек кричал и скрежетал зубами. Я подняла топор, угрожая кобелям.

— Ваня, сделай что-нибудь, я же не могу бить по руке топором. Пальцем в глаз её!

Ваня ткнул суку в глаз, неожиданно вцепился зубами в ухо зверя и дёрнул на себя. Та, с воем затрясла головой и, брызгая кровью по сторонам, бросилась наутёк, мимо, уже спокойно сидящих в позе наблюдателей, псов. Ваня выплюнул ухо и стоял яростно матерясь. Рукав его куртки намок от крови. Я сняла шарф и перевязала парню руку:

— Идём скорее! Надо обработать рану. Дома, в полуразрушенном жилье, где мы с дочкой обитаем, есть скудная аптечка. Остатки человеческой жизни. Видела бинт, йод, марганцовку. Наверняка имеется какой-никакой антибиотик. Укол бы от столбняка.

— Прививку от бешенства!

— Бешенства? — Ваня сказал вслух то, чего я боялась.

— Для начала обработать рану: промыть, смазать йодом или перекисью. А там найти врача, который назначит уколы.

— А где взять медикаменты?

— Идём, главное, придти живыми, — я кивнула в сторону кобелей, один из которых подошёл, начал обнюхивать первого, с разбитым черепом, а второй стоял, виляя хвостом и пуская слюну.

— Собачки не выглядят здоровыми, — Ваня усмехнулся, — как бы их обойти. — Дайте топор! Если все бешеные, нужно шуметь.

Он поднял топор и пошёл вперёд, крича:

— Ах, вы, твари позорные! Убью, нахрен!

— А-а, пошли вон! — Заорала я.

Оба кобеля, прижав уши и поджав хвосты, развернулись и бросились прочь. Ваня включил фонарик. Тонкий луч прорезал темноту опустившейся на город ночи.

У соседа, обещавшего бульон, в старинном камине полыхал паркет. Моника сидела, кутаясь в побитую молью, шаль. Она порывисто встала навстречу:

— Ваня, ты ранен?

— Бродячие собаки. Промыть бы.

Старик показал на пятилитровую канистру с жёлтой водой:

— Отстоявшийся снег. Пойдёт.

— В чём согреть?

Хозяин достал из кривого шкафчика ковшик.

Я промыла парню руку и ногу. Нога была чуть прокушена, на руке зияла рваная рана. Дед Лёша протянул пузырёк с йодом:

– Соня, есть чистая тряпочка?

В углу кто-то зашевелился: немолодая женщина подошла и осмотрела рану:

– Да-а. Укол бы от столбняка и бешенства. — Сняв с себя несколько кофт, оторвала рукав блузы, — можно считать, чистая.

Я перевязала парня.

– Надо к Егору! Бывший стоматолог.

– Нам хирург нужен!

– Выбора нет.

– Как его найти?

– О! проще некуда. По-моему, все селятся в нашем доме. Егор тоже. Окна рядом: ваше — слева, его — справа. А вообще, лучше скооперироваться: друзьям поселиться в одну квартиру. Например, в четырёхкомнатную.

Старик постучал в стенку молотком. Егор явился тотчас:

– Ещё не весь бульон съели?

– Егорка, парнишку собаки покусали. Рану промыли, йодом обработали.

– Укол бы от бешенства.

– Кто бы спорил. Может, осмотришь?

– Заражённость проявится от суток. В случае укуса руки, вирус к голове переместится быстро, до десяти дней. Вакци-

ну вводить, чем раньше, тем лучше. Я — стоматолог, таких препаратов не имею. Придётся откопать аптеку.

— Вакцина поможет?

— Надеюсь. Но с каждым днём шансы будут падать. Самый лучший вариант — не инфицированные собаки. Если будет тошнить, знобить, голова заболит, надо принимать срочные меры.

— Давно пора откопать аптеку! — Серdito сказала я, — лично я завтра с утра займусь именно этим.

— Мы тоже, — сказал дед Лёша.

— Присоединяюсь, — поддержал Егор, — рану осмотрю завтра. Если вокруг раны начнётся воспаление, будет плохо.

— Ежу понятно, — усмехнулся Ваня, — может, как-то вытравить сейчас? Калёным железом, например.

— Это остановит кровоток, и вирус быстрее пойдёт в мозг, — в моей аптечке есть антисептик, сейчас принесу.

Егор ушёл за таблетками. Вернувшись, объяснил, как принимать.

— Где Ваня будет жить?

— У нас, — ответила я, — за той стенкой.

— Соседи, значит. Это хорошо, — Егор многозначительно посмотрел на Монику. Та кокетливо улыбнулась.

— Егор, а где жена?

— Жена? Ушла за пару дней до взрыва, — снова взгляд на Монику.

— Дети, домой! — Я качнула головой в сторону двери.

Моника взяла Ваню за руку.

На следующий день Ваня пожаловался на головную боль, но отнёс предложение остаться дома.

С раннего утра, вооружившись лопатами, копали в сторону аптеки. От центральной траншеи надо было сделать тоннель длиной не менее десяти метров, под четырёхэтажным слоем грязного снега, перемешанного с пеплом. Эта смесь настолько слежалась, что пробивали штыковыми лопатами, а местами и ломом. Работали впятером: Бабушка Соня с больными ногами осталась дома.

Ваня трудился, будто в последний раз. Губы у парня дрожали, со лба лился пот.

Я приложила к Ваниному лбу ладонь, молодой человек отпрянул, как от удара:

– Помочь хотите? Тогда копайте! От бешенства прикосновения не спасут. Вакцина тоже не панацея, но шанс.

Неожиданно парень позеленел, и, выронив лопату, согнулся в приступе тошноты.

– Первая ласточка, — его хрип прошёл холодом по моей спине. — Обещайте убить меня, когда шансов не будет. Убить и сжечь.

– Нет.

Моника, бросила копать:

– Ваня, тебе плохо? Иди домой.

– Трудись, подруга, — парень поднял свою лопату, — если ещёлюбишь меня.

Я с силой вонзила лом в твердокаменный чёрный снег.

— Черт возьми! — Дед рукавицей провел по губам, — тоннель осыпается.

Ваня торопливо сгребал осыпавшийся снег наружу, а там Егор с Моникой ссыпали черную массу на траншею, идущую вдоль Невского проспекта, и утаптывали.

— Меняемся!

Наше место вгрызаться в тоннель заняли Егор с Моникой, дед на место Вани, а мы с Ваней ближе к проспекту.

Я поглядывала на парня, стараясь угадать его мысли. Судя по выражению сосредоточенно-мрачной углублённости в себя, Ване было плохо.

— Знаешь, Ваня, однажды купила в электричке книгу. Там автор рассказывал о том, как ему поставили диагноз цирроз печени в последней стадии. Он всё бросил и уехал в деревню, товарищ дал ключи от пустующего дома родителей. Была ранняя весна, он обглодал все веники, и не покладая рук начал делать всякую физическую работу. Шли дни, и он уже пережил срок отпущенный врачом. Появился аппетит, пропала хандоба, появились силы. Когда пришёл к доктору, тот удивился, что пациент жив. А когда обследование показало, что здоров, врач развёл руками.

— Не мой случай.

— Если уже хоронишь себя, то да.

Ваня бросил лопату, подошел ко мне и зло сказал:

— Вы считаете, мне хочется на тот свет? Парите тут, вся

из себя добренькая, небылицы рассказываете. Сдохну, кто вашу дочку будет защищать?

— Эй, парень, не горячись! — подошёл дед Лёша, — защитники найдутся. Мы в опасности, кто знает, сколько каждый протянет, облучены все. Помнишь Хиросиму? Там взрыв был намного меньше, а сколько унес жизней? Тут, как повезёт. Вокруг монстры, каннибалы, дикие голодные звери. Шаг с тропы — и ты в зубах хищника. Пока болтаем, Моника уже накидала. За работу, друзья! Любите и уважайте друг друга!

— Извини, тёща, погорячился.

— Ладно, Ваня, — я продолжила грести снег, — как думаешь, за сколько управимся?

— Дней пять.

Но, из-за постоянно сползающего снега, через пять дней мы приблизились к цели всего наполовину. На шестой день Ваня уполз в тёмный угол комнаты и отказался пить воду и умываться.

— Плохо дело, — сказал Егор, — не выкарабкается. Очень быстро распространяется вирус: организм ослаблен радиацией. Обычно первые симптомы проявляются не раньше чем через десять дней, а тут через сутки. Не расстраивайся, наша агония будет дольше.

— Кто-то ведь выживет?

— Надеюсь.

— Зачем тогда копать?

– Надежда не умирает, — грустно усмехнулся Егор, — даже в зубах каннибала я буду уповать на чудо.

– Не каркай!

– На третьей стадии Ваня может быть опасен. А потом стадия паралича.

– Когда?

– В любой момент. Можем больше не копать.

– Аптека нужна не только Ване. Ты, Егор, можешь присоединиться ко всем и искать ходы в магазины. Я остаюсь.

– Что будем делать с парнем? Пристрелить, чтобы не мучилсЯ и нас не покусал?

– Из пальца?

– Я был заядлым охотником.

– Ружьё?

– Да. Двуствольная переломка и жакан.

– Переломка? Поняла: когда два ствола переламываешь и сажаешь два патрона?

– Сообразительная мамуля.

– Если парня не спасти, пристрели, но так, чтобы Моника не видела.

– Следи, как появится пена изо рта, он опасен.

– Есть ещё шанс?

Егор покачал головой.

– Когда настанет время, попрошу деда Лёшу вызвать Моника к себе, а тем временем, покончу с парнем. Вместе вытащим труп и отдадим утилизаторам, чтобы сожгли. Монике

скажем, Ваня сбежал.

– Утилизаторам?

– На площади Восстания организовали костры для сожжения, чтобы зараза не распространялась.

– А я думаю, откуда запах горелой плоти?

– Почему так быстро? — Егор схватился за голову. — Парень должен был ещё пожить и дать нам шанс.

– Егор, а радиация? Сам говорил.

– Похоже, радиация на вирус действует, как катализатор.

– Боюсь за дочь. Может, лучше ей пожить у деда Лёши?

Поможет Соне.

– Я поговорю со стариком. Зачем подвергать девушку опасности? Кстати, я холостяк.

– Знаю. Но лучше к Лёше.

– Ясно, не доверяешь, — красавец самодовольно улыбнулся.

– Не доверяю.

– А по взаимному согласию?

– Голова кругом и без тебя. Ваня ещё жив.

– Ваня? Пока жив, но поверь, ненадолго.

События разворачивались молниеносно. Опасаясь за дочь, я отправила её к старикам.

Мы почти докопались до аптеки. Оставалось день или два. Ваня уже не работал. Придя домой вечером, я радостно сообщила молодому человеку, что ещё чуть-чуть и будет вакцина.

— Мне не вакцину надо, а отраву, — мрачно произнёс парень. Его челюсть отвисла, а глаза сверкнули яростью, — ты виновата. Он забился в истерике, поливая меня матом.

— Сейчас, сынок, — я бросилась к Егору.

Мужчина взял ружьё, переломил ствол и вогнал два патрона:

— Идём! И не думай, он покойник! Не монстр, не каннибал, не зверь! Хуже! Оставайся за дверью. Когда будет кончено, позову.

Выстрелы гроыхнули одни за другим. Меня будто придавило к земле непосильным грузом. Я поняла, что больше не взлечу.

Бесславная кончина советника

Фантастический рассказ

Голубая планета величественно продолжала своё вращение и на него не могли повлиять никакие события. Века на планете сменялись веками, поколения людей поколениями людей. Власть имущие угнетали простых трудяг, а каждый народ считал себя умнее и выше других лишь по внешним признакам. Кто-то, как говорится, разбивал яйцо с тупой стороны, а кто-то с острой. Но все жители планеты одинаково презирали племя двуносых, только из-за двух носов на лицах. На деле двуносые были вполне добрыми людьми

и почитали властелина, великого и ужасного Бессмертного.

Город Двуносых лихорадило: аппетиты прихвостней гниющего монстра росли непомерно, росло и количество детей, отданных якобы для поддержания здоровья правителя.

Все большее количество семей отказывалось от добровольной жертвы. Нашлись сомневающиеся в целевом назначении невинных младенцев. Были и добровольцы, создающие тайные общества, в которых наиболее горячие головы настаивали на свержении правителя детоубийцы. Тем не менее, подавляющее большинство жителей свято верили в порядочность Бессмертного, полагая, что это делается без его одобрения. Последние были убеждены в необходимости поддержания жизни правителя таким варварским способом. Они боялись смены власти: их все устраивало. Правление монстра дало горожанам сытую жизнь и уверенность в ближайшем будущем. Они говорили:

– Пока у власти Великий Бессмертный, нам не грозит голод.

Этих людей ничто больше не волновало. Даже Бор с женой до недавних пор спокойно относились к донорству, тем более, что мысль завести своих детей не приходила в голову посла, слишком занятого на государственной службе. Но пока открытых волнений не происходило, а перешептывания за спиной власти не переливались в открытый протест, Бессмертный продолжал вести свою игру. Он часто появлялся на публике в маске, будто скрывающей страшный струпья

на лице, вызывая у большей части населения, приступ сочувствия и желания помочь. Так что женщины и их мужья добровольно несли детей и умоляли принять жертву. Правитель был и в самом деле насквозь прогнившим телесно, но, говоря откровенно, в кожных пересадках он нуждался не чаще одного раза в восемь-девять месяцев. Болезнь и готовность народа жертвовать навели монстра на мысль открыть прибыльный бизнес, а тут и Варех подвернулся. Репутация последнего, как торгаша без принципов и совести, не гнушающегося ничем, что приносит прибыль, подтолкнула правителя остановить выбор именно на этом человеке. И он не ошибся. Вот уже четыре года они делали отличные деньги на торговле младенцами: змеерукая Пигора была ненасытна, так, что Вареху не приходилось волноваться о рынке сбыта.

Тайная полиция доносила Великому Бессмертному о недовольных группах, сеющих сомнения в рядах горожан. Они расклеивали листовки, в которых называли детское донорство не жертвой во искупление и для блага общества, а преступлением против своего народа. Но обвинить правителя в преступлениях они не могли, так как формально Великий не просил ни о чем, и даже делал вид, что отказывается от жертв. И люди, тронутые до слез великодушием «мученика», шли к докторам правителя, умоляя принять в дар их малыша, рожденного стать одной из клеток Бессмертного. При этом родители свято верили, что ребенок получает бессмертие в теле правителя.

В тот день правитель Города Двуносых прогуливался в сопровождении небольшой свиты из шести человек и четырех носильщиков, которые плелись с пустыми носилками сзади, по улицам города, иногда заговаривая с высыпавшими из домов горожанами. Лицо его, как обычно, скрывала маска. Внезапно из толпы раздался голос:

– Эй, ублюдок, покажи лицо!

Стражник шагнул, было, в сторону толпы, но Бессмертный жестом успокоил его, и вместе с сопровождающими продолжил путь. Снова и снова из толпы доносились одиночные возгласы:

– Сними маску, урод!

– Покажи лицо!

Но правитель шел, не обращая внимания на выпады. Охранники безуспешно пытались разглядеть в толпе смутьянов, которые все-таки не нашли поддержки у толпы. Одного из кричавших сами жители города осыпали тумакami. Власть Бессмертного непоколебима, но выкрики были неприятны уроду. Вернувшись в замок, он позвал к себе советника и, когда тот вошел, низко кланяясь, указал на низенький табурет у своих ног:

– Ну, Зира, что скажешь по поводу сегодняшнего инцидента?

– Правитель слишком мягок. Сброд не боится властелина. Толпа позволяет себе слишком много. Предлагаю уже-

сточить власть и ввести закон о том, что всякая семья обязана отдать каждого второго младенца своему повелителю.

– Может, начнем с твоей семьи? Зира, у тебя шестеро детей, значит трое мои.

Шерсть на лице советника встала дыбом, глаза побелели, а два носа начали пыхтеть в четыре ноздри. Зира криво усмехнулся, отчего уродливые черты стали страшными. Сдавленным голосом он пропищал:

– Великий шутит? Я готов посмеяться вместе.

– Посмеемся, когда с твоих отпрысков доктора спустят шкуру.

– О, Великий, зачем так много детей? Твоя кожа сейчас не нуждается в обновлении.

– Зато казна и верные слуги всегда нуждаются в дополнительных средствах. Или ты готов вернуть грязные деньги?

Челюсть советника задрожала, зубы стали лязгать.

– Ну, что? – осведомился правитель, — будем издавать новый закон?

Зира замотал головой:

– Нет, думаю, пока нет оснований беспокоиться. Чернь обожает повелителя, и очередь желающих отдать своих детишек достаточно велика.

– Хорошо, можешь идти, – гниющий монстр показал советнику жестом на дверь.

С трудом переставляя ослабшие в коленках, предательски дрожащие ноги, Зира вышел из дворца. Только на ули-

це перевел дух. Советник так и не понял, шутил правитель или нет. Вечер сгонял черные тучи: Зира поспешил домой. Внезапно широкая сверкающая полоса от края до края разрезала мрачный небосклон. Земля дрогнула от неимоверного грохота, и несметный дождь пролился на город. Метрах в семидесяти от Зиры, молния испепелила гураку со всадником, оставив лишь застывшую черную скульптуру, вызвавшую ужас в душе советника.

– А ведь это мог быть я? – и слезы хлынули из глаз. – Боги гневаются на меня, – решил советник, – надо принести в жертву гураку. Но не мала ли жертва?

Зира огляделся: он не заметил, как оказался у входа во владение шестирукого Грома. Дрожащие в коленях ноги подогнулись, и советник рухнул на четвереньки, лбом в землю.

– Пощады, Великий Гром! Завтра, едва рассветёт, я приду в храм за ответом, какую жертву хочешь. Пусть жрицы скажут твое повеление!

С полчасца Зира не поднимал головы. Наконец, дрожь в ногах утихла, стало лучше и он уже начал раскаиваться в необдуманном шаге.

После ухода советника, оставшись один, правитель задумался, ему не понравилось рвение Зиры:

– Высочка! – презрительно произнес он, когда дверь за советником закрылась. – А ловко я поставил советника

на место. Пусть радуется, что это шутка... к сожалению.

Взяв в руки хрустальный колокольчик, позвонил. Придворный лакей в расшитой бисером длинной ярко-красной рубаше, низко кланяясь, вошел в покой и остановился в позе ожидания.

– Парикмахера ко мне! – велел правитель.

Раз в день к нему приходил мастер. В обязанности придворного парикмахера входило следить не только за состоянием волос Бессмертного, а также маникюр, педикюр и косметический уход за лицом последнего, ибо тонкая сухая, как у мумии, пергаментная кожа правителя нуждалась в постоянном питании и увлажнении. Правитель полулежал на подушках, когда парикмахер, подойдя вплотную, дотронулся до маски, но монстр отстранил его руки и снял маску сам. Кожа правителя была как печеное яблоко, но мастер счел возможным сказать комплимент:

– Владыка, сегодня выглядишь прекрасно!

Бессмертный нахмурился: такая явная лесть ни к чему. Парикмахер смутился. Он забубнил себе под нос, что-то насчет новых дорогих мазей, от которых кожа правителя засияет здоровьем как у младенца, а руки, тем временем, доставали из большой сумки баночки. Уставлял дорогими снадобьями широкий столик возле лежанки владыки, который молча наблюдал за приготовлениями. Наконец, парикмахер-косметолог тщательно вымыл руки и приступил к работе. Сначала с помощью специального очистителя убрал с кожи мон-

стра возможные загрязнения, затем освежил кожу тоником, и только потом стал наносить питательный крем массирующими движениями. Кожа постепенно становилась мягче и эластичнее, а вскоре даже слегка порозовела. Закончив работу, специалист отошел на шаг, и, поднеся к глазам правителя зеркало, спросил:

– Ну, как? – сам был доволен результатом: кожа правителя сияла как у юнца. Правитель придирчиво осмотрел свое лицо и удовлетворенно хмыкнул:

– За это ценю. Если бы еще болтал поменьше.

Косметолог покраснел и устался на свои ноги. Его бедой был язык: стоило набраться в ночных кабачках с друзьями под завязку, как под большим секретом, говорил о виденном во дворце. Соглядатаи тут же доносили Бессмертному, который всякий раз грозил парикмахеру, что, наконец, вырвет у болтуна язык. Лишь чудодейственные руки спасали мастера от скорой расправы. По крайней мере, язык пока был на месте.

– Язык мой – враг мой, – сказал парикмахер, низко кланяясь.

– И мой враг твой язык, – нахмурил лоб правитель, – обещаю, что когда-нибудь лишишься его, и возможно скорее, чем сам думаешь. Тебе эта часть вовсе ни к чему.

Мастер бухнулся на колени перед властелином:

– Прости, Величайший!

Бессмертный помахал рукой, приказывая парикмахеру

удалиться, а, когда тот вышел, долго стоял перед зеркалом, ощупывая лицо: надеялся, что, проснувшись как-нибудь утром, увидит здоровую, как сейчас кожу, а не натянутый коричневый кусок пергамента, готовый треснуть в местах морщинок, оставляя глубокие гниющие раны. Передернуло от воспоминаний: знал, надеяться на чудо, напрасно. Чудеса происходили, но не с ним. Неожиданно вспомнил о пришельце. А вдруг, это не просто божий посланец, вдруг это сам бог прилетел наказать его. Другой бог, однажды, подарив бессмертие, облек на муки телесные, но правитель боялся суда еще более страшного. Монстр не хотел признавать, что данное бессмертие, это проклятие, а не дар. Другой совершил над ним суд и теперь незримо наблюдал за его преступлениями. Души убитых детей становились ангелами и оставались в раю, ожидая призыва господнего, чтобы в тот час обрести плотью и навечно восстать из мертвых. А кто называл себя бессмертным, давно уже был гниющим трупом, с душой, нашедшей место в аду.

– Ах, как я одинок, – сказал себе правитель, – хоть бы Варех приехал, он единственный, кто понимает меня, потому, что похож.

Жена Зиры, хромоногая толстуха Герада, выслушала рассказ до смерти напуганного мужа, и разразилась неистовой бранью. Вне себя от негодования, она кричала, трясая жировыми складками и брызжа слюной, оскорбления в адрес

мужа. Смысл брани сводился к тому, что Зира самый тупоголовый советник на свете и ему бы отхожие ямы чистить, а не советы давать правителю. Зира молчал, не решаясь прервать поток бранных слов. Наконец, жена утомилась, запас ругательств иссяк, злость поутихла. Герада смолкла и села напротив мужа, устремив на него взгляд бледных, мутно-водянистых, глаз.

– Будто две медузы, – с отвращением подумал советник про глаза жены.

История женитьбы на этой женщине была до смешного простой и короткой. Они с Геркагоном напились до бесчувствия на одном из праздников самосожжения у Пигоры, и палач, икая и вытирая кулаком слезящиеся глаза, сказал:

– Зира, бери сестру в жены, неприлично быть одному в твоём положении советника при Бессмертном. Страшна она, как смертный грех и хромонога, да с лица не воду пить.

– А, что? – заплетающимся языком выговорил Зира, – женюсь.

С тех пор прошло двенадцать лет, каждые два года жена рожала по ребенку. Сам он был доволен порядком в доме и всегда готовым обедом. Единственным недостатком женитьбы на сестре Геркагона было то, что собутыльник частенько приезжал к ним в гости и жил подолгу, очевидно простодушно полагая, что осчастливил родственников визитом. Дети ненавидели дядю Геркагона из-за того, что родители сверстников запрещали ребятишкам знаться с племянни-

ками палача. Да и Геркагон смотрел на них, как на какое-то досадное недоразумение, нарушающее покой взрослых вечной возней. Если кто-либо из племянников попадался ему на глаза, Геркагон немедленно награждал того оплеухой, сопровождаемой возгласом: не вертись среди взрослых!

Две дочки Зиры, заслышав тяжелые шаги дяди, убегали в дальнюю комнату и сидели там тихо, как мышки, не высывая носа. И вот женщина, родившая Зире шестерых детей, теперь сидела напротив, уставясь мутными глазами на него, растерянного и напуганного.

– Я ходил к храму шестирукого Грома и дал обет принести хорошую жертву, – робко нарушил молчание Зира. Герада молчала, не сводя с него глаз. – Думал зарезать квари, но это слишком мало. Может, гураку? Хороший скакун в цене, – он коснулся пальцами руки супруги, давая понять, что ждет ответа.

– Зира, Шестирукий ждет человеческих жертв, а не животных, – ответила, наконец, жена, – раз ты ходил в его храм, то знал, что делаешь. Теперь божество ждет человеческой жертвы от тебя.

– Но... – Зира растерянно замолчал: вчера вечером, давая обещание богу огня и грома, он наивно полагал, что со временем все как-нибудь обойдется, рассосется само собой. – Думаю, может, не будем ничем жертвовать. Ведь я сгоряча, от страха перед богами и Бессмертным, – выдавил он.

– Хочешь, чтобы шестирукий бог сам пришел и забрал нас

всех?

– Нет, но может, квари, гураку и дурана...

– И тебя в придачу, Зира.

– Что же делать? Герада, что делать?

– Ты меня спрашиваешь? Или знаешь, что делать, но хочешь услышать от меня. Только не надо перекладывать ответственность, слышишь? Пусть все будет на твоей совести.

Наступило тяжкое молчание. Двухлетний сын, озорник и непоседа, возился в углу с домашним животным, пушистым и симпатичным банчиком, который убегал от малыша, издавая смешные фыркающие звуки: «банч, банч». Вдруг мальчику игра надоела, он подбежал к отцу и, вскарабкавшись к нему на колени, обхватил за шею.

– Папа, качай, – потребовал сынишка. Зира положил ногу на ногу и, посадив малыша на щиколотку начал качать: вверх – вниз, вверх – вниз. Катук радостно смеялся, громко крича: еще, еще.

Мать смотрела на них глазами, полными слез. Покачавшись, Катук убежал играть с одиннадцатилетней сестрой на улицу. Зира вопросительно глянул на жену: та отвернулась.

– Что же делать? – снова повторил Зира, – Герада, что делать? Их шесть, совсем скоро будет седьмой, – коснулся рукой огромного живота жены. Та отвела его руку.

Хочешь, чтобы я себя принес в жертву? – с отчаяньем спросил Зира, и схватившись руками за голову, начал раска-

чиваться будто сумасшедший, – Но кто тогда будет кормить вас всех?

Герада не отвечала.

– Дорогая, я сам видел, как шестирукий убил огнем и громом всадника с гураку. С нами будет то же самое. Мы заживо сгорим. Ты этого хочешь?

– Лучше так, чем самим отдать родное дитя на заклятие и этим спасти шкуру. Я готова принести себя в жертву. – Молвила Герада.

– Ты не имеешь права, – Зира указал пальцем на ее живот, – лучше принести в жертву меня, а ты возьмешь другого мужа, который будет кормить моих детей.

– Твоих детей? – усмехнулась Герада, – назови того, кто будет кормить наших двуносых птенчиков. Мы же не из племени потомков Губоров.

– Герада, только не тебя. Пусть будет Катук, он еще ничего не смыслит.

– Нет, нет, и нет, – отвечала жена Зиры. – Нынче, как начнет светать, я прошусь с вами и войду в храм шестирукого с молитвой о пощаде. Если он не сжалится надо мной, не печалься, это решение бога.

– Я войду с тобой, – решительно заявил Зира.

– Можешь проводить меня, но останешься за дверью храма.

– Не щади, я виноват во всем.

– Это воля шестирукого Грома.

Всю ночь супруги не сомкнули глаз, до мельчайших подробностей вспоминая совместную жизнь, которая была до сих пор размеренной и спокойной: муж ходил на работу, жена растила детей. Вроде бы, ничего особенного, но сейчас вспоминалось, как рос и развивался каждый из шести.

– А помнишь, как Лама взяла твою краску и покрасила бедного банчика, а мы не могли зверька отмыть и побрили.

– Да, он дрожал от холода, лишившись шубки, и Лама с Гедуром, сшили ему теплую одежду. Вот смеху было.

– А помнишь...

– А помнишь...

– Герада, не думал, но оказывается, мы были счастливы вместе. И знаешь, я люблю тебя.

– Зира, ты впервые говоришь такие слова. Как жаль, что никогда я не слышала этого, никогда. Ведь знаю, что уродина. Даже мать относилась ко мне с жалостью и пренебрежением, но не любила. А отцу я вообще старалась не попадаться на глаза – да он иначе, как колченогой, да хромоножкой не называл. Любимый, теперь я иду в храм, зная, что ты был счастлив со мной. Пока есть время, повторяй вновь и вновь, что любишь.

– Люблю, люблю.

– Еще.

– Люблю, люблю.

Чернота ночи отступала, сменяясь темной синевой. Двое сидели у окна, держась за руки, склонив головы друг к другу.

Они тихо говорили о любви. Когда синева стала яркой, Зира начала наставлять мужа.

– Не забудь, – говорила она, – Лама легко простужается: когда набегается и вспотеет, следи, чтобы переодевалась в сухое. Да, а средний, Зир, дерется. Будь с ним поосторожнее. А маленький Катук...

– Да знаю, знаю. Всякую дрянь норовит попробовать на вкус. Ничего, родная, за детей не бойся.

– Когда женишься, смотри, чтобы детей любила.

– Может быть, когда пройдет боль, возьму женщину из племени потомков губоров, они ласковы с детьми. Накоплю, чтобы выкуп заплатить и возьму.

– Хорошо, дорогой, не забывай меня, и чтобы дети помнили.

– Я люблю тебя, и всегда буду любить, – он заплакал, не стыдясь, вытирая огромными кулаками слезы. – Прости, что не говорил тебе этого целых двенадцать лет.

– Спасибо Зира, что терпел уродину так долго.

– Я быстро перестал замечать уродство, и увидел красоту внутри, ты прекрасна, любимая, и желанна. Смотри, сколько детей у нас. Они родились, росли, и будут расти в любви, потому что все желанны.

– Мне пора.

Светало, когда супруги, взявшись за руки, вышли из дома. Они были спокойны и бледны.

– А знаешь, – вдруг сказал Зира, – не могу больше рабо-

тать у Бессмертного, гниющего монстра, пожирающего наших детей, живьем сдирающего с них кожу, чтобы скрыть то, что давно превратило его в падаль.

– Что же ты будешь делать?

– Возьму детей и пойду в Город Встреч. Там есть место даже двуносому.

Они подошли к храму и обнялись на прощание. Затем женщина вошла, а мужчина опустился без сил на землю возле дверей.

Сколько времени прошло, Зира не знал: время как будто остановилось для него. Жена скрылась за дверью храма и жизнь кончилась. Внезапно вскочил на ноги: почему, почему он дал ей уйти? Разве он не мужчина? Или трус?

– Кого я пытаюсь обмануть, – простонал Зира, – знаю, что трус и всегда был им. Даже сейчас, я рассуждаю, но не иду за ней. Поняла ли Герада, что любит труса? Как противно, я трус, пожертвовавший беременной женой, чтобы спасти свою никчемную шкуру.

Дверь храма отворилась, и Герада вышла: губы женщины дрожали. Зира упал перед ней на колени. Лицо жены, поросшее редкими волосами, прядями лежавшими на щеках, было бледно, почти бело, и в тёмных волосах инеем рассыпалась ранняя седина.

– Слава богу, ты жива! – сказал Зира.

– Бог отказался принять от меня добровольную жертву. Он сказал: раз Зира не сделал, что обещал, я сам приду

за жертвой, когда посчитаю нужным, и сам решу, кто мне нужен, – ответила Герада, невидящими глазами поводя вокруг. И словно лунатик, медленно побрела в сторону дома, оставив Зиру стоять на коленях. Впрочем, сбитый с толку поведением жены, он вскоре вскочил на ноги и, догнав ее, пошел рядом, бросая короткие косые взгляды на супругу, но, не решаясь заговорить.

В Городе Двуносых жизнь шла своим чередом: передав партию живого товара с минимальной выгодой для себя, Бессмертный, вдруг почувствовал сильную усталость. Возможно, причина этого крылась в невыгодной сделке, а, возможно, боги стали зевать, глядя на него. Так или иначе, Бессмертный вот уже несколько дней большую часть времени проводил лежа в постели в окружении шести подушек, да три вольнонаемные няньки заботились о его гигиене и сбалансированном питании. Последнее время правитель страдал несварением желудка, что явилось, по мнению придворного врача, следствием употребления в пищу в основном жирного жареного мяса. Сильно вздутый живот правителя напоминал воздушный шар и болел, заставляя последнего морщиться и, даже постанывать, распространяя вокруг зловонные газы. Лекарь рекомендовал жесткую диету: никакого мяса, лишь тростниковые и зерновые каши, да фрукты-овощи. Чувствуя себя полным инвалидом от такой диеты, и отчасти объясняя вялое состояние отсутствием мяса в рационе, Бессмертный лежал, сетуя на свою несчастную жизнь.

Во дворце царила скука смертная: охрана дремала, приклонясь к стенам, советник Зира околачивался в приемной целыми днями, глаза в окно, и еле дождавшись вечера, убежал домой к беременной жене. Рядом с отважной Герадой он чувствовал себя спокойнее, каким-то образом надеясь, что супруга сможет защитить в случае, если бог Гром решит взять жертву. После того, что произошло, первое время он места не находил, воображая, что бог захочет взять его жизнь, разгневавшись, что Зира переложил задачу на плечи супруги. А Герада пришла собственной персоной на закляние. Но время шло, и Зира начал успокаиваться:

– Может, обойдется? — сказал как-то жене.

Та пожала плечами:

– Надо быть готовыми.

Наконец, пришло время родов: утром Герада разбудила мужа и деловито сказала:

– Дорогой, малыш готов появиться на свет.

Зира в этот день не пошел во дворец: жена нуждалась в помощи. Он не в первый раз принимал детей, и хорошо знал, что нужно делать. Первым делом согрел воду, приготовил чистое полотенце и ткань, чтобы завернуть новорожденного. Герада с любовью и нежностью наблюдала за его действиями: ей нравилось смотреть на вымытые руки мужа, которые со спокойной уверенностью готовились принять очередного седьмого отпрыска.

Последнее время в их отношениях произошла перемена

к лучшему: исчезла неприязнь мужа к ней. Плохо скрытая неприязнь, а порой и отвращение, которые частенько приходилось раньше читать в его взгляде, теперь исчезли. Глаза мужа излучали нежность и любовь, иногда омрачаемые сильной тревогой и беспокойством.

Супруги старались не говорить о будущем, которое представлялось столь шатким и сумрачным, учились жить одним днем, одним часом, одним мгновением.

Проснулись дети и окружили родителей в ожидании завтрака. Герада показала на большую миску, накрытую сверху чистым полотенцем: аппетитные, еще немного сохранившие тепло, пышки, вызвали восторг детей, и налив себе травяного чая они, повинаясь взгляду отца, схватили блюдо и убежали завтракать в отдельную пристройку.

— Дорогая, ты и об этом позаботилась пока мы все дрыхли без задних ног, — Зира, склонившись, поцеловал шершавую руку жены. Герада лежала, периодически охая от усиливающихся схваток. Муж внимательно осмотрел ее:

— Еще рано, — сказал, присаживаясь рядом, и взял жену за руку.

— Зира, на всякий случай, все деньги...

— В ящичке у стены, — продолжил он.

— Как обычно, — улыбнулась жена.

В дверь дома постучались. Зира вышел наружу, прикрыв за собой дверь. Солдат двуносого монстра, с лицом, не выражающим абсолютно ничего, сказал монотонным бесцвет-

НЫМ ГОЛОСОМ:

– Правитель велел срочно явиться во дворец.

– Передай, что в силу важных обстоятельств, буду, как только смогу.

Солдат равнодушно кивнул головой и ушел.

– Кто там? — спросила жена.

– Это меня, не тревожься, все хорошо.

Сидя возле жены, Зира задумался о том, что именно он явился причиной бед, обрушившихся на семью. Уже в который раз прокручивал события того дня: вот он необдуманно предлагает правителю отбирать каждого второго ребенка у родителей, на что тот предлагает начать с Зиры, и его шестерых детей. Видя замешательство советника, Бессмертный насмехается. Оплеванный, униженный и напуганный, Зира идет домой и вот тут-то все и происходит: на его глазах молния испепелила всадника. Но, с чего он решил, что это предупреждение? Нет, ничего не решил, просто струсил, и сам, без причины, дал богу грома и огня обет принести дорогую жертву. Только он во всем виноват, он и должен ответить. И вот тут в исступленном мозгу Зиры появлялась мелкая гаденькая мысль — желание найти крайнего.

– Могло обойтись малым, если бы Герада не сунулась со своей жертвой и не рассердила бога. Теперь из-за глупой жены может пострадать кто угодно из близких, даже я сам.

Зира искоса кинул взгляд на жену, схватки у которой усиливались:

— Не догадывается ли, о чем я думаю? — но Герада была поглощена приближающимися родами.

Нечто похожее на угрызения совести, беспокоило его, не давало спокойно спать по ночам. Попытки свалить на Гераду ответственность не давали желаемого результата. Со всех сторон он поступил, как трус, и это еще больше усиливало чувство вины. Благородство жены вызвало не только восхищение, но и злость, смешанную с завистью: он бы так не смог.

Жена прервала размышления: сильный вопль, вырвавшийся из ее груди, привел Зиру в чувство: начинались роды. Зира вскочил и стал помогать жене: не прошло и получаса, как захлебывающийся крик возвестил о начале новой жизни. Мокрый, теплый комок жизни лежал на его руках, заботливо принявших бесценный груз.

— Герада, поздравляю с сыном! — Зира поднес малыша к жене, давая возможность, как следует разглядеть. Герада улыбнулась ребенку.

И в этот момент... словно молния поразила Зиру мысль, которая показалась спасительной.

— Сам бог огня продиктовал свою волю, да, именно так, — подумал Зира, — какой легкий выход.

Герада протянула руки навстречу малышу, и Зира осторожно положил ребенка возле матери, предварительно обмыв теплой водой и завернув в легкую чистую ткань. Очувшившись возле матери, малыш крепко заснул: он так устал

карабкаться наружу.

— Посиди со мной, — попросила жена Зиру.

— Хорошо, дорогая, только отправлю старшего за нянькой.

Приоткрыв дверь в пристройку, где играли дети, Зира позвал старшего сына, который тут же помчался выполнять поручение отца. Сам же Зира вернулся к жене и присел рядом.

Вскоре Герада задремала, сильно всхрапывая, приоткрыв рот с кривыми зубами. Он же глубоко задумался:

— А если это ложный выход, внушенный вовсе не богом огня, — засомневался он, — тогда, кто же мне внушил эту мысль? Может, я сам придумал? Внезапно озарила и поразила — Воля Бога.

Придя окончательно к этой мысли, Зира успокоился и сосредоточился на том, как сделать с наименьшими трудностями. Пришла нянька и захлопотала над новорожденным. Зира, поцеловав жену, отправился во дворец к Бессмертному: ведь тот звал.

В приемной правителя застал Вареха, который сидел, уронив голову на грудь, и крепко спал. Зира не стал будить, а прошел мимо, прямо в покои, где возлежал, обессиленный от недугов, повелитель, который капризно спросил:

— Советник, почему заставляешь ждать так долго?

— Премудрый, меня задержали неотложные личные дела.

— Нет таких личных дел.

— В таком случае прошу простить.

– Вечно тебя нет, когда нужен. Кто мне объявит о том, что в приемной ждет Варех?

– Но, правитель... ты же узнал об этом.

– Я ничего не знаю, пока не доложили по всей форме. Выйди и доложи, как положено.

Советник, поклонившись, вышел, и спустя несколько секунд снова вошел с громким докладом:

– О, Величайший! Варех просит принять его. Прикажете просить? — он почтительно замер, ожидая ответа. Немного помолчав, правитель вздохнул:

– Советник, разве не видишь, что повелитель сегодня болен. Зира, пусть он тебе выложит все, что у него ко мне, а ты перескажешь. Иди.

Зира вышел и, подойдя к Вареху, тронул того за плечо. Варех протер глаза и, уставившись на советника, протянул:

– А-а-а, это ты, Зира? Ну что, примет?

Советник ответил равнодушно, как и положено придворному:

– Величайший болен, я приму и все перескажу. Идем в мой кабинет.

Варех поднялся, потянулся и последовал за советником, мысленно посылая проклятья в адрес правителя. Прежде чем приступить к изложению проблем, он сказал советнику:

– Зира, мой рассказ не будет коротким, а я провел много времени в приемной. Поэтому, прикажи подать сюда еду и питье.

Советник кивнул головой, соглашаясь и, выглянув в коридор, приказал дежурному подать угощение. Сейчас и он вспомнил, что не ел с самого утра. Как только подумал о еде, в желудке заурчало от голода. Вскоре дежурный принес жареную дичь под изумительным соусом, и советник с Варехом жадно набросились на еду, позабыв дела и проблемы. Лишь когда от птицы остались тщательно обглоданные косточки, и дежурный налил горячего слабоалкогольного, согревающего кровь, но не пьянящего напитка, они вспомнили, зачем, собственно, пришли в кабинет.

— Итак? — спросил Зира, приподняв брови и выжидательно глядя на собеседника, всем видом давая понять, что готов внимательно выслушать. Варех по порядку стал рассказывать обо всем, что произошло с ним с того времени, как прошлый раз покинул Город Двуносых.

Когда закончил рассказ, совсем стемнело. Советник молчал: ему было не все ясно. Варех первым нарушил, затянувшуюся паузу:

— Ну?

— Человек, Спаситель — это бог? — недоуменно проронил Зира, — извини, не понял.

— Да в том-то и дело, что я сам не знаю: бог, божий посланец или человек из другого мира, наделенный силой и могуществом богов. Только не понимаю одного: он не карает. Правда, пытался убить нашего двуносого правителя, но тот бессмертен.

– Тогда, скорее всего, вообще не бог, а посланец.

– Да, скорее всего.

Варех посмотрел на темное окно: пляшущее пламя факелов, освещавших территорию дворца и фонтаны, таинственными бликами пробегало по глубокой черноте ночи. Зира проследил за его взглядом: он и не знал, что уже ночь.

– Варех, я должен пересказать твой рассказ правителю?

– Да.

– И, наверное, у тебя есть какой-то вопрос?

– Нет, ты перескажи, а потом, думаю, правитель сам захочет принять меня.

– Он очень любопытен.

Варех поднялся, Зира также встал и, проводив посетителя до дверей, распрощался, а сам вернулся во дворец, чтобы доложить обо всем, что выслушал, Бессмертному, если тот, конечно, не велит придти утром.

Рассказ Вареха внес смятение в душу советника, все было в высшей степени странно: летающий на железной стрекозе, поражающий огнем на расстоянии — нет, для человека это невозможно. Все-таки бог, но странный бог, пытающийся показать себя человеком. Варех уехал, а человек-бог остался в его доме со своими друзьями. А друзья у него: Бор, прекрасно знакомый всем в Городе Двуногих, с женой, какой-то там спасенный от смерти Данги и, что самое странное — жена Вареха и ее отпрыск, которого бог называет сыном и еще женщина племени губоров. Нет, я не буду Зирой, если

на моей земле не грянут большие перемены.

— Увидеть этого Алек-Суса, во что бы то ни стало, вот только разберусь со своей проблемой и попрошу у правителя разрешения на встречу с богом. А может, сгожусь для какого-нибудь поручения в Городе Встреч, — решил Зира, и, успокоившись, вошел в покои Бессмертного.

Смрад ударил в его чувствительные ноздри: Зира поморщился, и с усилием сглотнув слюну, подавил подступившую рвоту. Гниющий монстр спал, но, почувствовав присутствие Зиры, приоткрыл один глаз, оранжево-желтый, с плавающими прозрачными крапинами.

Советник передернул плечами:

— Бр-р, — пронеслось у него в мозгу, но сдержанно сказал, — только закончил говорить с Варехом, выслушает ли меня величайший из правителей?

— Говори, — велел Бессмертный, и прикрыл глаз, наблюдая за советником из-под опущенных век, сквозь серо-зеленые редкие стрелки ресниц. Эта манера слушать собеседника с, будто бы закрытыми глазами, была неприятна Зи-ре, но за долгие годы службы он привык. Поэтому, усевшись на скамеечку возле кровати монстра, глубоко вздохнул, свыкаясь с мыслью, что несколько часов будет дышать тяжелой гнилью плохо работающего желудка, смешанного со сладковатым запахом тлена, идущего от правителя, и приступил к подробному пересказу истории, услышанной от Вареха.

Как и говорили, Бессмертный, сгорая от любопытства, на-

утро отправил за Варехом дежурного охранника с требованием привести тотчас торговца пред «светлейшие» очи. Вареха уже разбудили и он, не то, чтобы, сильно спеша, но и не медля, собирался во дворец к правителю.

В это самое время, Зира отворил дверь своего дома, где все тихо спали, и на цыпочках подойдя к комнате жены, заглянул внутрь: широко раскинув руки и ноги, Герада посапывала: лицо безмятежно, а дыхание глубоко; рядом, в маленькой люльке, украшенной цветной тканью с оборками, спал новорожденный. Несколько минут Зира стоял, разглядывая спящую жену: словно почувствовав взгляд мужа, она легко вздохнула, счастливо улыбнулась, и повернулась на бок, подогнув к животу колени.

Зира подошел к колыбели. Вынул сына, прижав нежно к себе, заглянул в маленькое, сморщенное личико. Младенец спал, сложив губёнки трубочкой. Зира, словно вор, бесшумно прокрался с малышом на руках к двери, и, вышел на улицу. Почти бегом устремился по улице к храму шестирукого божества. Войдя в храм, он снял с малыша одеяльце, от чего ребенок заплакал, и положил ребенка на жертвенный камень. Обратя взор на каменное изваяние бога, Зира опустился на колени и громко произнес:

– Бог, вот то, что я обещал. Забери мою жертву.

Камни под ногами Зиры дрогнули, бог изверг из пустых глазниц пламя на жертвенный камень, и огонь съел малыша, оставив лишь щепотку пепла. Зира пал ниц, сознание пому-

тилось.

Очнулся от пения птиц: большой куст распростер над ним, усеянные белыми цветами, ветви, в которых резвилось множество сереньких пташек. Зира сел, озираясь и силясь понять, где же он. Наконец, вспомнил о содеянном, и, сначала подумав, что он в потустороннем мире, больно дернул себя за ухо и помотал головой. Сильная боль ударила в затылок: он понял, что жив, и поднявшись на ноги, побрел, не отдавая себе отчета, куда и зачем. Лес обступил со всех сторон, но он шел и шел.

Первое чувство, которое овладело им спустя несколько часов, голод. Пустой желудок болел и во рту появился привкус металла. Зира остановился со словами:

– Где я? — и звук собственного голоса испугал. Только сейчас дошло, что он совсем один и заблудился в лесу. Зира громко закричал, но ему не ответило даже эхо. С ужасом Зира увидел, что солнце садится. Ноги дрожали, и он заметался по лесу, громко вопя и взывая к богам. Потом силы покинули и Зира сел под большим корявым, иссушенным временем, деревом, тихо плача и что-то бормоча под нос. Почуяв запах человека и человеческого страха, на него вышел губор, внимательно посмотрел ему в лицо, временно парализуя, и, обдав смрадным дыханием, скрылся в чаще леса. Наступила ночь, но Зира не двинулся с места. В темноте кружили хищники, но и они не тронули.

Когда ночь прошла, и первые рассветные лучи коснулись

ласковым светом его лица, это уже был не Зира, а совсем другой человек: без роду, без племени и без имени. Он всё забыл. Приступ рези в животе подсказал, что голоден, и Зира стал обрывать желтые сладкие ягоды с низеньких кустиков, растущих под ногами. Утолив голод, свернулся калачиком в высокой траве и под пение птиц и легкое жужжание насекомых, уснул легким беззаботным сном.

Часа через три жажда разбудила его, и Зира принялся жевать листья, но пить хотелось все сильнее. В ушах шумело и, приняв этот звук за шум воды, он пошел туда, откуда, ему казалось, доносится звук. Идти пришлось долго, больше часа, но ему повезло: мутный ручей преградил путь и, встав на четвереньки, Зира, по-собачьи принялся лакать воду, сильно пахнущую серой. Напившись, бывший советник поднял лицо и посмотрел на солнце, которое стояло высоко и нещадно жарило, вынуждая искать убежище от зноя. Он нашел прохладу в корнях огромного старого дерева и пересидел жару то и дело, впадая в дрему. Когда солнце стало садиться и зной спадать, Зира вышел из убежища в поисках пищи и, найдя в ручье с десятков улиток, съел, предварительно разбив камнем твердую скорлупу. Надо было подыскать безопасное место для ночлега и, вскарабкавшись на дерево, давшее днем спасение от зноя, он обнаружил удобную развилку в толстых корявых ветвях, где заночевал, спасаясь от хищников. Зира не знал, что будет делать дальше; обрывки каких-то фраз всплывали в мозгу, но он не мог связать

их воедино.

На следующее утро проснулся, вновь набрал улиток, наелся и снова пошел, повинаясь инстинкту, который не давал сидеть на месте. Шел и шел вдоль русла ручья, который становился шире, и на седьмые сутки вышел к большой реке, куда впадал ручей, превратившийся, наконец, в речушку.

Пройдя вдоль берега большой реки с десятков километров, он наткнулся на небольшое поселение. Спрятавшись в кустах Зира наблюдал за жителями с лицами, похожими на кошачьи: чему-то, удивившись, потрогал свои два носа и, испугавшись, уполз в глубину кустарника. Неподалеку от него, семья с ребенком варила мясо на костре и запах, исходивший от котла, тревожил Зиру, вызывая в мозгу несвязные воспоминания. Женщина взяла ребенка на руки и ушла в дом. Через несколько минут из дома послышался ее голос, и мужчина поспешил следом.

Осторожно ступая по мягкой траве, Зира подкрался к котлу и, погрузив руку в кипящий бульон, быстро выхватил кусок мяса. Горячий бульон обварил руку. Зира, уронив мясо на землю, запрыгал, воя от боли. Мужчина с кошачьим лицом выбежал из дома и, увидев двуносого незнакомца, оборванного, грязного, кричащего от боли, замахал руками и стал сзывать соплеменников, которые тут же окружили Зиру, и стали горячо спорить. Хозяин мяса обратился к бывшему советнику с вопросом, но тот, глупо ухмыляясь, показал на обожженную руку, на мясо и на свой рот. Мужчина

поднял мясо и протянул Зире. Жадно чавкая, Зира съел мясо и начал икать. Кто-то протянул ему чашу с пивом, и он выпил, проливая себе на грудь и захлебываясь.

После того, как Зира насытился, люди снова пытались заговорить с пришельцем, но он ничего не понимал, только кивал все время и показывал пальцем в сторону леса. Наконец, один из старейших жителей деревни, мужчина с длинными белыми волосами, к которому остальные относились с большим почтением, сказал:

– Что-то случилось с этим двуносым, он ничего не помнит, даже собственного имени. Пусть остается в племени, иначе пропадет. Кто готов взять его к себе? Возможно, память вернется и он вспомнит о том, что случилось. Боги направили его к нам с какой-то целью.

Жители деревни молчали, подозрительно глядя на двуносого. Он им не нравился: большинство не видели таких уродов. Старейший сказал:

– Ладно, пусть остается у меня. — Взял Зиру за руку и отвел к себе домой.

В племени, приютившем злополучного двуносого, начался раскол. Половина населения возмущалась поступком соплеменника пригравшего «врага». Сама внешность Зире внушала стойкое отвращение и ненависть. Эта половина перешептывалась за спинами лояльно настроенной части, недобро переглядывалась и многозначительно плевала

вслед. Добродушие, свойственное до сих пор людям с кошачьими лицами, улетучивалось и назревало открытое противостояние одной части племени — другой. Что касается Зиры, память не возвращалась и он жил как животное, довольствуясь малым: едой и крышей над головой. Попытки седовласого научить Зиру хотя бы несколькими словам, не увенчались успехом. Двуносый говорить не начал, правда слова «пить» и «есть», он, подобно большинству тварей стал понимать, и реагировал на них, пуская слюну и изображая на лице некое подобие радости. Наконец, седовласому надоели бесплодные попытки научить двуносого хоть чему-нибудь, и он ограничил свое участие выдачей двух мисок хлеба в день. Чтобы Зира не мешал, он выстроил возле дома небольшую будку, куда кинул сухой травы и тряпку, которой двуносый мог накрыться, спасаясь от ночной прохлады.

Тот день, когда Чоч обнаружил поселение и двуносого, был знаменательным в своем роде. Вечером этого дня к дому седовласого направилась делегация из шести человек. Подойдя к входу в дом, один из них постучался в дверь, остальные остановились, поглядывая то на стучащего товарища, то на Зиру, тихо сидящего на земле возле будки. Седовласый вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Будь здоров и счастлив, Хим, — приветствовал его делегат, невысокий мужчина с очень короткими ногами и багровым кошачьим лицом, щеки которого покрывали серые редкие волосы, заплетенные в тонкие косицы, согласно бытовав-

шей в племени моде.

Седовласый кивнул:

— Привет и тебе, Антол. Что тебе и твоим товарищам нужно?

— Не надоело кормить это животное? — он презрительно кивнул безучастно сидевшего на земле Зиру.

— Что нужно? — повторил седовласый Хим свой вопрос, — хотите сами ухаживать за больным?

— Отдай нам двуносого и мы, пожалуй, позаботимся. Даю слово, что несчастный будет очень доволен своей долей, — товарищи Антола зашептались, хихикая. Хим строго глянул на них и нахмурился: — Если при всем племени дашь слово, что не обидишь беднягу, отдам.

Антол расхохотался, товарищи подхватили смех, но он поднял руку, призывая к молчанию и, мгновенно приняв серьезный вид, презрительно выпалил:

— Народ раскололся на два лагеря. Дети дерутся. Позавчера ночью на праздничном пире, два противника били друг друга кружками по головам. К счастью, дружинники растащили. И все из-за этого бессловесного уroda, — он указал рукой на Зиру, который, вдруг, заскулил и уполз в конуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.